

Александр Путинцев

**Прости, я ВСЁ
честно
рассказал**

18+

Александр Путинцев Прости, я ВСЁ честно рассказал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70369618

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник рассказов, где действия героев пропитаны страстью, эмоциями и решительными действиями. Порой приходится идти на сделку со своей совестью и поступаться своими морально-нравственными принципами.

Александр Путинцев

Прости, я ВСЁ

честно рассказал

БАБНИК

Мне было шестнадцать лет, когда я учился в девятом классе. И во мне явно произошли какие-то существенные перемены. Я стал обращать внимание на девочек, и в первую очередь на своих одноклассниц.

Особенно мне нравилась Оля Музыкакина. Она была отличница и уже знала, кем хочет стать. Она готовилась к поступлению в медицинский институт, уже тогда уделяла большое внимание изучению анатомии и биологии. Хотя ради справедливости нужно отметить, что она среди всех нас, разгильдяев, выделялась по всем предметам. Она, проявляя усидчивость и трудолюбие, конспектировала в тетрадь каждый урок. Мы завистливо следили за ней и ехидно посмеивались над любой её оплошностью, но она не обращала на нас никакого внимания.

Да, признаюсь честно, это была первая девочка, в которую я влюбился. Отличница, комсомолка, правда, не спортсменка, но фигурка была аккуратная. Среднего роста, длинный светлый волос, голубые глаза, на фоне широких бедер тонкая талия, ноги прямые и стройные. Особенно мне нра-

вились её умные глаза. Когда она смотрела в мою сторону, я трусливо отводил взгляд и краснел, как спелый помидор. Она мне нравилась. Я тайком рассматривал её и злился, когда над ней кто-нибудь смеялся. Но скоро я понял, что ей безразличен. Эта серьёзная девочка была увлечена учёбой и перед ней стояла высокая цель – стать доктором медицинских наук.

А кто я? Просто оболтус, который не знал, что хочет и кем хочет стать. Правда, можно назвать положительным то, что я был твёрдый хорошист, но не фанател ни одним предметом, хотя все предметы давались легко. Ну, ещё немного болтун, могу бесплатно навешать интересной лапши, без корысти, просто так, если только, вдруг, нападает словесный понос. Меня даже приглашали на телевидение, чтобы я выступил перед камерой с комментариями после просмотренного фильма. Друзья подтвердили, что я смотрелся, даже очень солидно, уверенно держался перед камерой и красиво говорил. Но Олю Музыкину этот факт не впечатлил, я ей был не интересен.

Но я не унывал и не расстраивался. Я перевёл своё внимание на Галю Лапину. Вот это девочка! Правда, взгляд у неё был не такой умный, как у Оли, но далеко не глупый. Зато фигура очень стройная, манящая изгибами и плавностью движений, настоящая природная артистическая пластика. Не зря Галя хотела стать артисткой. У неё здорово и естественно получалось изобразить какую-нибудь вескую

причину, когда вызывали к доске, а она была не готова к тому или иному уроку. И учителя верили, давали ей возможность пересдать в следующий раз и не ставили двойку.

Вот это талант! Я влюбился в Галю по-настоящему. Я сидел на первой парте в крайнем ряду у самого входа в класс, а она с другого края на последней парте, и у нас была такая своеобразная диагональная перестрелка взглядами. Она ловила мой взгляд, вытягивалась и делала губки бантиком. Я замирал, краснел и возбуждался. По моему телу бежали мурашки, кровь бурлила и пульсировала внизу живота, ширинка на моих брюках напрягалась, а пуговицы скрипели и грозились оторваться. Я был в шоке: явно мой дружок был больше трех спичек и места ему там было маловато.

Но скоро моя любовь закончилась так же быстро, как и началась. Ко мне подошли знакомые пацаны с другого класса и по-дружески предупредили, что она встречается с Витькой Гридневым, а тот был известный боксёр и обладал сильным ударом в печень, и он бил быстро и незаметно. И я понял, что Гальку не люблю. В доказательство этого факта у меня, когда встречались наши взгляды, начинала ныть печень. Это была на Гальку самая настоящая аллергия.

Но я всё равно не унывал. Я понял, что лучше Любы Сысоевой никого нет. Она сидела за мной и всегда оказывала мне знаки внимания, а я давал ей списывать по математике. Девочка, просто, супер! Тем более жила в соседнем доме и ни с кем не дружила. Это я точно знал. Как-то мы с ней одно-

временно вышли из школы и вместе побрели домой. Мы отсидели шесть уроков, и я специально дождался её, чтобы поговорить без лишних свидетелей. Ей даже понравилось, что я напросился понести её тяжелый портфель, набитый книгами.

– Что сейчас будешь делать? – заинтересовано спросила Люба.

– Не знаю, – неопределённо сказал я, – нужно в магазин зайти, что-нибудь купить, а то дома есть нечего, родители на работе.

– Мои тоже на работе, – сказала Люба и внимательно посмотрела на меня, потом, немного помолчав, вдруг добавила. – А пойдём ко мне, мама вчера такие вкусные котлеты приготовила, я тебя угощу.

Я охотно согласился. Правда немного поломался для приличия, но она убедила, что стесняться не стоит, ведь я помогаю ей по математике.

В квартире у Любы было чисто и уютно. Особенно мне понравился запах котлет, гостеприимно встретивший меня у порога. Мой желудок ликовал, я тоже радовался в предвкушении незабываемых наслаждений.

– Давай ещё одну съешь! – сказала Люба, войдя в роль хозяйки.

– Так я уже три котлеты умял! – поглаживая живот, лениво сопротивлялся я.

– Да, ладно, ты же мужчина, ещё растешь, тебе нужно мя-

со есть, – и она подложила котлету.

Мне понравилась её забота. И я с удовольствием продолжил насыщение. Когда жевал котлету, я с любовью смотрел на Любу и блестел глазками. Люба смотрела на меня и радостно улыбалась.

– Какая ты хорошая будешь жена! – искренне сказал я и поперхнулся.

Люба суетливо похлопала мне по спине и расплылась в улыбке. Мне стало так хорошо, что я с благодарностью посмотрел на Любу, и у меня появилось желание её обнять. Просто, так, по-человечески, от души. Она нравилась мне всё больше и больше, в такой домашней обстановке я увидел её совершенно другой, близкой, родной, желанной.

Что это, подумал я, испугавшись нахлынувшим чувствам. Это, наверное, котлеты виноваты, мелькнула у меня в голове, ведь они такие вкусные и сытные. Но я себя не контролировал. Я взял в ладони Любину ручку и стал осторожно поглаживать. Она смотрела в глаза и покрывалась румянцем. Я тоже горел, по моей спине побежали мурашки, и желание моё стало прогрессировать, трансформируясь в другую форму.

Внезапно хлопнула входная дверь и в квартиру зашла мама Любы. Нина Николаевна знала меня и моих родителей.

– Привет, мама! – сказала Люба и выдернула от меня свою ручку. – Тут Саша помогал мне разбираться с примерами по математике, я его заодно и покормила.

– Умничка, дочка! – поддержала мама и, увидев меня,

спросила. – Сашок, а ты наелся?

– О, да, Нина Николаевна! – удовлетворенно пробасил я. – Большое спасибо! Такие вкусные котлеты! Я прямо объелся!

– На здоровье, Сашок, на здоровье!

Я шёл к себе домой несколько напуганный. Неожиданный приход мамы Любы был для меня определённым знаком и заставлял задуматься.

Я понимал, что такая домашняя уютная девочка, как Люба, идеально подходит для семейной жизни, будет верной женой и хорошей матерью для детей. Но я был ещё не готов к таким отношениям, и я посчитал не правильным морочить голову уже созревшей девочке.

И мне вдруг стало стыдно от гадких мыслей и фантазий, которые вызывала наивная доверчивая Люба.

И я отчётливо осознал, что у меня начался спермотоксикоз.

ЗАКОЛКА

Я учился в последнем классе и усиленно готовился к выпускным экзаменам. Кроме этого серьёзно увлёкся волейболом, и у нас практически каждый день проходили тренировки, – мы готовились к городским соревнованиям, посвящённым дню Победы. Вот такое было наложение, но я не мог бросить подготовку к соревнованиям, так как оказался неплохим игроком, и подводить команду и тем более школу никак не мог.

Наш физрук Владимир Васильевич буквально за полгода из меня слепил дерзкого нападающего, который умел бить с обеих рук, высоко выпрыгивая над сеткой. Я оказался способный спортсмен, научился умело использовать свои физические данные: рост, упругие ноги и хлёсткий удар рукой.

Владимир Васильевич гонял меня больше всех и оставался довольным моими результатами. Даже говорил, что могу не готовиться, меня и так возьмут без экзаменов в пединститут, а там столько девчонок, и все красавицы. И он закатывал глаза, облизывался и хитро смотрел на меня, завораживая своей широкой доброй улыбкой. Мне его предложение нравилось, и девчонки – веский аргумент. Но в пединститут я не хотел. Да я вообще не знал, что хотел. Просто жил и радовался жизни, интересовался всем, что видел, слышал и чувствовал. Вот так и жил без цели и без идеи, не зная куда себя направить в предстоящей большой жизни.

И вот, как у меня часто бывало, я опять увлёкся. Да не просто увлёкся, а потерял голову. Вместо Марии Ивановны, нашего классного руководителя, назначили молодую яркую девушку Елену Николаевну, она только что закончила юридический институт и преподавала историю и обществоведение. Мария Ивановна была пенсионерка, здоровье её уже подводило, и она еле носила ноги. Наконец, не выдержав, вынуждена была отказаться от работы, но дотянула, пока не нашли замену.

В Елену Николаевну была влюблена вся школа. Но я осо-

бенно. Я даже открыл в себе талант поэта. Я писал на одном дыхании строчку за строчкой, исчеркал все страницы тетрадей, заведённых для каждого предмета, изучаемого в десятом классе.

Но как-то поймал себя на мысли, что содержание этих строчек напоминали или были близки к стихам Есенина и Пушкина. Видно, срабатывала ученическая память. Скоро я разочаровался в своём словоблудии. Потому что понял, мой предел рифмования – «цветик – приветик». Я приуныл. Но мне очень хотелось выделиться, чтобы на меня обратили внимание. И я скоро придумал, как.

У моей сестры была заколка для волос, ей привезли в подарок родственники из Германии. Заколка имела вид хрустального листа с натуральными камнями бирюзового цвета, и предназначалась для женщин с изощрённым вкусом. Но моя сестра всегда носила короткую причёску и заколкой никогда не пользовалась. Однажды произошёл случай, в котором я оказал сестре довольно серьёзную услугу, и она в знак благодарности была готова сделать что-нибудь приятное и мне. Вот тут-то я и вспомнил про заколку, и она без колебаний отдала её мне. Даже не спросила, зачем она мне, а только улыбнулась. Умная, однако, у меня сестра. И не жадная.

Теперь пора вернуться к моей Музе. Елена Николаевна была обладательница длинных красивых густых волос каштаново цвета. А уж, чтобы описать её стройную изящную неповторимую фигуру, у меня просто не хватит правильных

слов. Одно скажу – любая модель в сравнении с ней, буквально, отдыхает! И вот, представьте, такая Богиня, и рядом я, сопливый старшеклассник. Смешно. А что делать – Любовь!

Тут я чуть не забыл указать одну важную деталь. Эта деталь, по сути, и натолкнула меня на идею с заколкой.

Елена Николаевна всегда ходила с распущенными волосами, и ей не раз, даже слышал я, по этому поводу делала замечание наша завуч. Она была очень строгая и всех призывала к порядку. Считала, что учителя не должны показывать дурной пример. А нам Елена Николаевна нравилась именно такой: непосредственной, распущенной и какой-то своей, мы даже не чувствовали разницу в возрасте. Но она вынуждена была собирать волосы и скреплять их резинкой, пряча от нас всю красоту.

Вот у меня и возникла идея с заколкой.

Наступил Международный женский день. Появился хороший повод реализовать свою идею. Елене Николаевне надарили много всяких цветов, открыток, сувениров, и я обратил внимание, что ничего того, что реально бы пригодилось в жизни. Я ликовал, что моей идеей никто не воспользовался. Дождавшись, когда никого не было, я подошёл к ней и протянул заколку.

– Это вам, Елена Николаевна! – прохрипел мой голос. И я почувствовал, как у меня усиленно забилося сердце, но я взял себя в руки и продолжил. – Нельзя прятать такую красоту! Эта заколка будет гармонировать с вашими волосами

и идеально впишется в ваш образ. Я люблю вас, Елена Николаевна! – неожиданно признался я и посмотрел ей прямо в глаза.

Елена Николаевна растерялась и не знала, что мне сказать и как себя вести. Но это было какое-то мгновение. Она улыбнулась, подошла ко мне, обняла и поцеловала в щёчку. Поцеловала так, как меня целовала, обнимая, моя старшая сестра.

– Сашенька! – ласково сказала она. – Какой ты молодец! Вот это подарок! Какая красивая заколка! Мне именно такая и нужна! Большое спасибо!

Я застыл истуканом и не находил слов для поддержания разговора. Елена Николаевна стояла напротив и мило улыбалась. Я окончательно смутился, что-то нечленораздельно промычал и вышел из класса.

Моя заколка понравилась всем. В адрес Елены Николаевны сыпались комплименты. Но кто подарил эту заколку, никто не знал. По умолчанию существовало негласное соглашение – не афишировать!

После праздника и длинных выходных я спешил в спортзал для индивидуальной тренировки, где вместе с Владимиром Васильевичем должны отрабатывать удар по мячу над сеткой. В волейболе это была важная позиция для нападающих, да и до соревнований оставалось меньше месяца.

Когда я появился в спортзале, физрук копался в раздевалке, перебирая какое-то снаряжение и старые мячи. Я поздоровался. Владимир Васильевич кивнул мне в ответ и сказал:

– Сейчас начнём, я вот закончу с этим барахлом... Да, Саня, а ты пока убери маты на место, там их разбросали, а убрать не убрали...

Я направился в угол с разбросанными матами. Они были навалены друг на друга в несколько рядов. И сразу же что-то знакомое блеснуло в глаза. На одном из матов лежала моя заколка, подаренная Елене Николаевне на женский день. Рядом вызывающе покоилась мужская запонка. Вокруг, покрыв всю поверхность мата, пестрели бледные молочные пятна.

У меня сжалось сердце. Его придавил тяжёлый осадок. Я подобрал заколку и запонку, и положил их в карман. Маты перетащил на отведённое для них место. Потом пошёл к Владимиру Васильевичу.

– Вот, – сказал я и протянул запонку, – кто-то потерял.

– А, это Виктора Николаевича, он с кем-то тренировался на выходных. Я ему передам.

Виктор Николаевич числился вторым физруком, и занимался с начальными и младшими классами. Это был молодой спортивный парень. Он недавно отслужил. Закончил нашу школу и был хорошим спортсменом. Владимир Васильевич, чтобы себя разгрузить, пристроил его на полставки. Виктор Николаевич учился в пединституте.

Я очень переживал, мою душу терзали чувство ревности и её предательство. Я так полюбил, искренне и нежно, а она меня предала.

На другой день я подошёл к Елене Николаевне, она сидела за столом в пустом классе. Собранные волосы опоясывала резинка. Я молча положил заколку перед ней и осуждающе посмотрел в глаза, потом повернулся и хотел выйти.

– Пстой, Саша! Не уходи! Это не то, что ты думаешь, – тихо сказала она. – Виктор Николаевич сделал мне предложение, и мы подали заявление в ЗАГС. Через месяц у нас будет свадьба...

СЛАДКАЯ ПОТЕРЯ НЕВИННОСТИ

Я уже закончил среднюю школу и меня должны были осенью призвать в армию, когда ко мне подошел отец и задумчиво сказал:

– Ну, что, сын, ты уже большой!.. Вырос!.. До армии ещё есть время, поэтому нужно съездить в деревню и помочь по хозяйству дедушке. Нечего шалопайничать!.. А у дедушки, сам понимаешь, здоровье уже не то, и работы там через край. Нужна твоя помощь!

Вот так я и оказался в деревне в самый разгар сельскохозяйственных работ, когда надо было запастись на зиму сеном: косить, сушить, перевозить, стоговать... В эти дни, если честно, моя юношеская похоть отсутствовала напрочь. Я даже перестал видеть сны. Только засыпал, как дед уже расталкивал, чтобы опять ехать на сочные высокие травы.

Мне показалось, что дед решил запастись сеном на всю деревню, и, когда я захотел высказаться об этом вслух, он,

потирая шершавыми ладонями, наконец, обрадовал меня:

– Все, внучек! Это последняя партия! Теперь нам хватит! Славно поработали!.. А ты и взаправду большой стал! И сила у тебя, слава Богу, есть!..

В награду за мое трудолюбие дед разрешил мне отдаться деревенскому безделью. Я охотно рыбачил, ходил в лес за грибами и ягодами, лазил по садам и огородам. И скоро, однако, как бы заскучал, подумывая, не возвратиться ли домой, как появилась она.

Её звали Таня. Она была старше меня на семь лет. Муж ее в это время служил офицером где-то на севере, и Таня, защитив диплом, она училась в институте, по пути к нему заехала на недельку в деревню. Она считалась дедушкиной племянницей, а, значит, мне – тётей.

И тетя Таня, просто Таня была не только молодая, но и довольно интересная женщина. Я, как увидел ее, так сразу перестал скучать. Когда она не смотрела на меня, я буквально пожирал ее стройную фигуру. Но все равно Таня как-то чувствовала мой страстный раздевающий взгляд и, как мне казалось, специально делала небрежные движения, чтобы ослепить меня скрытыми под халатом прелестями. В тот момент, когда выхватывалось красивое бедро или совершенная тяжелая грудь, я испытывал ужасное волнение, и она, поймав мой взгляд, кокетливо улыбалась, чем тревожила меня еще сильнее. Моя взбесившаяся плоть бессовестно рвалась из штанов. О, Боже, я просто не знал, как унять ки-

пящую страсть, достигшую невыносимого предела: я начал уже сам выпариваться, постепенно превращаясь в очумелого страдальца.

Таня видела и понимала это, и ей это, по-видимому, доставляло огромное наслаждение. Она как только не изощрялась, дразня меня красивой наготой молодого соблазнительного тела.

И вот накануне отъезда Таня решила постирать белье, помыться и, вообще, привести себя в порядок. Дед вечером нарубил дрова и в деревянной баньке затопил печку. Меня же заставил натаскать воды в железную бочку, стоявшую возле чугунного котла, вмонтированного прямо в саму печь. Жаркие потрескивающие языки пламени жадно облизывали закопченную стенку котла, заполненного кипящей водой, и убегали вверх через дымовую трубу. Помещение бани превратилось в настоящую парилку. Я представил себе, как голая распаренная Таня будет одиноко сидеть на лавке, обтираясь полотенцем и возбужденно фыркая, и мне сделалось ужасно тоскливо. Особенно это почувствовалось, когда я вспомнил, что завтра она уедет к своему мужу, и я никогда ее не увижу. Я был влюблен в Таню, и она меня волновала, как женщина. Из-за того, что она казалась мне не доступной, я чувствовал себя таким несчастным, что не хотелось жить.

Уже темнело. Я околачивался около бани и тосковал, наблюдая за мелькающим силуэтом моющейся Тани. Тоненькая ветхая шторка, висевшая на маленьком окне, позволяла

видеть все ее движения. Вдруг шторка отодвинулась, и в окне появилось улыбающееся лицо. Она поманила меня рукой. У меня сильно забилося сердце, и я, волнуясь, со всех ног заспешил к ней.

– Миленький! – ласково пропела Таня, выглядывая из-за приоткрытой двери. – Принеси, пожалуйста, еще холодненькой водички, а то вся кончилась!

Когда она говорила, расправляя длинные слипшиеся волосы на округлой торчащей груди, на меня нечаянно глянул вытянутый темный сосок. Я вздрогнул, словно пронзенный током, и замер, тараща глаза. Таня же как ни в чем не бывало опять ласково улыбнулась мне и продолжила мягким голосом:

– Ты что, мой мальчик, молчишь? Голой тети никогда не видел?

Я бестолково пялил глаза и молчал, затаив дыхание.

– Ну, иди, иди, неси водички и заодно мне спинку потрешь!.. Дедушка там чем занимается?.. Желательно, чтобы он не видел...

От таких слов у меня помутнело в голове. Я, не соображая, понесся за водой. Но я хорошо помню, как Таня раздевала меня и сладко целовала влажным ртом в глаза, в нос, в губы, и как ласкала мою чувствительную кожу тонкими нежными пальчиками. Хотя в бане было жарко, меня трясло.

– Мой мальчик! – тихо говорила Таня, увлекая к лавочке. – Иди сюда! Садись и не волнуйся! Успокойся! Ну что

ты, мой хороший!

Её мягкий нежный голос действовал на меня, и я уже отвечал на поцелуи, жадно ловя ее вкусные персиковые губы. Она кокетливо улыбалась и дразнила, показывая розовый язык. Я поймал язык и засосал в рот, она принялась там хулиганить, щекоча внутри. Мне было очень приятно, и я трепетал.

– Таня, я люблю тебя! – лепетал я, даваясь собственными словами. – Я женюсь на тебе! Я очень сильно люблю тебя!..

И я невольно почему-то расплакался, всхлипывая и пуская слюни, и обильные слезы потекли по моим щекам.

– Маленький мой! – прямо как мама говорила Таня и гладила меня по голове. – Я-то думала, что ты уже большой, а ты совсем маленький! Совсем ребеночек! Грудной! Хочешь сисю?.. На, возьми, мой сладенький!..

И она по-настоящему всунула мне в рот твёрдый длинный сосок. Он оказался прохладный и чуть-чуть солоноватый. Я зачмокал, как грудной ребенок, и мне понравилось быть таким маленьким, и я, наслаждаясь, с упоением втягивал сосок в рот. Таня, закрыв глаза, тяжело дышала, и я увидел, как ее изящная белая ручка скользнула по крутому бедру и мягко погрузилась пальчиками в волосяной покров низа живота. И, о чудо, набухший темный бутон раскрылся, словно цветок, обнажив коралловую сердцевину. Я затрепетал, как лист, и дотронулся до ее руки. Таня вздрогнула и взглянула затуманенным взором... Я разволновался так, что почув-

ствовал, как горячая сладкая волна, рожденная где-то внутри живота, подкатила к яичкам, и из меня вдруг выпрыснула прозрачно-белая жидкость. Струя попала ей на грудь, шею, подбородок и закапала мне на живот. Я испугался и тревожно посмотрел на Таню. Таня ласково улыбнулась и, вытянув руку, нежно погладила меня по голове.

– Ах, мой сладкий, какой ты прыткий! Ничего страшно-го!.. Какая она у тебя приятная!.. Прохладная!..

Таня, улыбаясь, принялась размазывать мою вязкую пахучую жидкость по всему телу, её спокойный взгляд и уверенные действия успокаивали меня.

– Ты что такой испуганный? – ласково спросила она и придвинулась ко мне. – Мальчик мой, сладкий мой! Ты так скрипел зубами! Тебе приятно было?..

– Да-а!.. – стыдливо пробасил я и спрятал лицо на ее красивой груди.

Специфический запах моей чудесной жидкости возбуждал меня, и я вновь почувствовал сладкое томление внизу живота. Мой член опять зашевелился и, увеличиваясь в размере, уперся в Танин плоский живот.

– О-о, мой слааденький! – радостно пропела она и осторожно обхватила член мягкими пальчиками. – Однако какой ты шустрик!..

Я больше не напрягался, и Таня ласкала так, что у меня кружилась голова, и я даже, кажется, несколько раз терял сознание.

– Мальчик мой, сладенький мой! – целуя, страстно шептала она. – Хочешь стать мужчиной?.. Ты ведь больше не боишься?.. Вот и хорошо!.. Ты только не напрягайся и будь спокоен! И не спеши, не кончай быстро!.. Ты сейчас немножко отвлекись, думай о чем-нибудь другом! Хорошо?.. Ну, вот и умничка!..

Я развалился на лавке и закрыл глаза. И, слушаясь Таню, совсем отвлекся. Но я почувствовал, как моя твердая головка медленно погрузилась во что-то мягкое и уютное, и какая-то божественная теплота, вдруг охватившая весь низ, принесла мне необыкновенное ощущение, доставляющее тягуче-сладостное облегчение. Я, раздираемый любопытством, открыл глаза. Таня сидела на мне и, упираясь руками о мою грудь, плавно двигала тазом. Мой возбужденный член, окаймленный темно-розовыми губками, словно поршень, то погружался в Таню, то появлялся. Она, чуть прикрыв глаза и стиснув зубы, тихонько стонала и с каждым толчком все сильнее и сильнее сжимала мою головку. Я почувствовал приближение мощной теплой волны, и меня охватил страх, что я преждевременно кончу, и я напрягся всем телом. Таня, находясь со мной в тесном контакте, уловила колебания и беспокойства, происходящие в моем организме. Она сразу ожила, заработав тазом в убыстренном темпе, и, глядя прямо мне в глаза, прерывистым страстным голосом зашептала:

– Мой сладенький!.. Все... не сдерживай себя!.. Кончай!..

Все, кончай!.. А-а-а-а-а!.. О-о-о-о-о!..

Таня насадила себя до упора, сильно напряглась, задержав дыхание, и закружилась тазом на одном месте, уже что-то бессвязно бормоча про себя. И в этот момент я почувствовал горячий всплеск, как будто внутри меня неожиданно взорвался дремлющий вулкан, эпицентром которого явились мои набухшие яички.

– О-о-о-ой!.. – закричал я не то от страха, не то от удовольствия, судорожно схватив круглые Танины ягодицы.

– О-о-о-о-о!.. – вторила мне Таня, прижимаясь всем телом.

Потом я отключился. Наступило умопомрачение. Очнулся от прохладной струйки воды. Таня, ласково улыбаясь, поливала меня из ковшика и осторожно обмывала мое расслабленное тело. Я с любовью следил за ней и, ничего не соображая, тоже улыбался.

– Мой мужчина! – серьезно сказала Таня и крепко поцеловала в губы. – Какой ты сладкий мальчик!.. Нет-нет! Ты уже мужчина!.. Ты сладкий мужчина!.. Всегда, когда будешь заниматься любовью с женщиной, давай ей возможность кончить, тогда всегда будешь любим ею! Запомни это, мой сладкий мужчина, навсегда!..

Я не помню, как добрался до койки, меня шатало и мутило, но все равно было очень приятно. Лишь только коснулся постели, сразу уснул, обретя блаженный покой.

Проснулся от какого-то беспокойства, проникшая в душу

тревога камнем давила на влюбленное сердце.

– Таня, Танечка моя! – мелькнуло в моей голове. – Она же уедет от меня, уедет насовсем!..

Я быстро вскочил и выбежал во двор. Во дворе дед расправлял сети и развешивал на просушку.

– Деда, а где Таня? – тревожно спросил я.

– Таня? – спокойно переспросил дед. – Таня уже уехала!.. Ты что, разве не знал? – и он хитро усмехнулся. – Она с тобой попрощалась, когда ты спал еще как убитый. Она поцеловала тебя сонного в губы и сказала: пускай спит сладкий мужчина!..

И дед отвернулся, кряхтя и расправляя сеть дальше.

ГОРЕМЫКА

В последнее время Сергея преследовали одни неудачи. Даже, казалось, незначительные жизненные мелочи и те, нанося Сергея, превращались в достойные неприятности. Всё было на нервах, а нервные клетки, как известно, не восстанавливаются. Его всё тяготило. Особенно раздражало, когда наезжала жена, постоянно плача, что он не бывает дома и не бережет свое драгоценное здоровье. Жена безумно любила его и болезненно ревновала ко всем и ко всему. От этой ненормальной любви Сергей и страдал больше всего, постоянно нервничая и взрываясь по любому поводу. Сказать, что он не любил свою жену, будет не верно так же, как, если сказать, что он любил свою жену, то есть были какие-то стран-

ные отношения.

Но он очень тепло относился к своим детям. Когда Сергей появлялся дома, его смышленная пятилетняя дочурка не отходила от него ни на шаг, она была его отдушина в семье, а сын рос как-то сам по себе и ни к кому из родителей не привязывался.

Жена желала только одного, чтобы ее любимый муж сидел около нее и никуда не уходил, кроме работы. Пускай даже ничего не делал, а просто сидел дома, так спокойней и надежней. Временами, когда на этой почве возникали скандалы, он, разозлившись, ненавидел жену, срываясь и ругаясь с ней постыдно-нехорошими словами. А однажды даже подрались.

Как-то Сергей пришел с работы и, помыв руки, сел за стол перекусить, как к нему вдруг подскочила жена и впи-лась ногтями в лицо. От неожиданности он сильно дернулся и свалился со стула под стол, больно ударившись головой об крышку.

– Ты что, с ума сошла, дура ненормальная?! – в сердцах закричал он. – Что я тебе такого сделал?..

Жена, вся бледная и трясучая, молча схватила его за волосы и стала таскать по кухне. Сергей не выдержал и, изловчившись, со всего размаха врезал ей в левое ухо. Жена вскрикнула и беспомощно плюхнулась задницей на пол, часто заморгав глазами, а потом громко разрыдалась, по-бабьи, навзрыд. Ухо прямо на глазах опухло и посинело, превратив-

шись в настоящий экзотический лопух.

Сергей испугался своей резкости и, ничего не понимая, напряженно смотрел на рыдающую жену. Красные полосы на покаябанном лице делали его похожим на кровожадного индейца, пылающего жаждой мести, только глаза выражали замешательство и легкий испуг.

– Ладно... перестань, – начал он, сдерживая свой гнев. – Ты что, очумела что ли? Набросилась как сумасшедшая! Что я тебе сделал?..

Жена, крихтя и охая, встала и, ничего не объясняя, бросила ему скомканный конверт. Сергей подобрал его и расправил. Он сразу понял причину внезапной ярости тихой жены. Письмо было адресовано ему от студентки из Беловского техникума, с которой познакомился, когда та проходила практику в химическом цехе по его вахте. Она, высокая и стройная, впечатлила сентиментального Сергея, как только он увидел ее.

Двадцатилетняя девушка, чувствуя на себе мужские любопытные взгляды, превращалась в красавицу, знающую себе цену. Она игриво ходила по блочным щитам котлотурбинного цеха электростанции и всем улыбалась. У Сергея завязался с ней возвышенный роман, обожающий все земное. Выходные дни проводили вместе: ходили в кино, а в хорошую погоду прогуливались по улицам города и нежно ворковали, словно голубки, на разные философские темы. Сергей буквально молился на нее, боясь прикоснуться

чисто физически. Он наслаждался возвышенными поэтическими чувствами, наполненными не только любовью, но и трогательной сердечной привязанностью. Он даже посвящал ей стихи, и они даже ей нравились, когда он, волнуясь, читал их дрожащим голосом. На протяжении всего романа он так и не прикоснулся к ней, не считая двух робких поцелуев при прощании после окончания практики. Она уехала, пообещав ему, что обязательно напишет. Коллеги по работе, видя, как Сергей затосковал после отъезда студентки, начали посмеиваться над ним, делая ехидные пошлые намеки, а один, отличающийся прямоотой и откровенностью, честно сказал:

– Серега, да перестань ты хандрить! Что ты на самом то деле! По какой-то ****и затосковал! Ее, наверное, только я не трахал, а так вся вахта перепробовала.

Сергей побледнел и набросился на коллегу, схватив за грудки цепкими руками.

– Ты что? – искренне удивился тот. – Я же правду сказал! Если не веришь, спроси у Шуры, – он кивнул на машиниста энергоблока. – Шура имел ее прямо в экспресс-лаборатории, разложив на фуфайках, и я не раз его подменял для этой цели... Серега, ты что?.. Что с тобой?..

Сергей выскочил с блочного щита и быстро сбежал по лестнице на нулевую отметку. Он ходил в одиночестве по цеху, вытирая слезы, до тех пор, пока не успокоился.

Потом, полностью перегорев, он написал ей длинное-предлинное письмо. В нем он со всей страстью и разочаровани-

ем излил свою тонкую чувствительную душу, беззлобно сожалея о надругательствах с ее стороны над искренней любовью. Он был разочарован ее лицемерием и обманом, когда сам был с ней так откровенен и доверчив, так нежен и предан, как чистый невинный ребенок...

Еще одна неприятность с ним произошла на День Военно-Морского Флота. Сергей надел тельняшку и черный берет морского пехотинца. Рано утром отправился на площадь Ленина, где встречались по традиции все бывшие мореманы.

Молодые здоровые парни, подогретые спиртными напитками, группками расходились по всему городу, ища, а кто самый упорный, и находя забавные приключения.

Сергей оказался на редкость упорным. Сначала он ввязался в драку за какого-то братана, здесь ему порвали тельняшку и разбили до крови губы. Потом, когда ехал в автобусе домой, из благих намерений он сделал справедливые замечания молодым парням, которые громко орала и матерились, не обращая никакого внимания ни на женщин, ни на детей. Хулиганы проигнорировали его замечания и также громко на весь автобус послали его, да так далеко, что затрещали рубахи, заскрипели зубы, и заполнился криками и стонами тесный душный салон...

И оказался Сергей, как самый буйный, в милиции. И отпустили его, разобравшись, лишь только утром на другой день.

Домой пришел, как побитая собака: весь в полосатых лохмотьях, взъерошенный, с подбитым носом и запекшими гу-

бами, а под глазом гордо красовался огромный синяк. И берет, гордость любого морского пехотинца, был, к сожалению, утерян в той кровавой битве...

Жена поохала, поохала, да и разрыдалась, ломая в истерике руки.

Сергей молча прошел в ванную комнату и закрылся. Глядя на свое отображение в зеркале, он с тяжелой грустью задумался о своей несчастной жизни. Причитания ненавистной жены отчетливо доносились до его слуха.

Сергей сел на край ванны, обхватил побитую голову руками и беззвучно заплакал. Соленые слезы, как капли морской воды, катились по кровавым израненным щекам и разъедали ссадины...

СЛУЧАЙНЫЙ ПОПУТЧИК

Заканчивалось лето. Я ехал от родителей в купейном вагоне к себе на службу. Мне повезло. Вагон был безлюдный, и я с самого начала в купе ехал один, а путь, надо сказать, не близкий, более двух суток, из уральского городка до центральной части Сибири, где я и нёс государственную службу, будучи чиновником среднего звена. Ко мне долгое время никого не подсеяли. Ближе к ночи на одной из маленьких станций проводник привёл неопределённого возраста бородатого мужчину. Он молча зашёл в купе, поприветствовал кивком головы и ловко разместил свой багаж под нижнюю полку. Потом быстро заправил постель, и, не раздеваясь, вы-

тянулся на полке. На удивление он скоро затих. И я даже не заметил, как уснул следом.

Утром, когда я проснулся, он уже сидел за столиком и пил чай с печеньем.

– Доброе утро! – произнёс незнакомец, окидывая меня внимательным взглядом. – Присоединяйтесь! Сейчас проводник принесёт ещё два стакана чая. Меня Сергей Николаевич зовут, – представился он, изобразив подобие улыбки.

– Владимир... можно, просто, Владимир, – неуверенно сказал я, подсаживаясь к столику. – Я сейчас быстренько схожу в туалет, почищу зубы и с удовольствием разделю с вами завтрак, – продолжил я, доставая зубную щетку и полотенце.

Попутчик оказался пенсионером, на редкость молчаливым. Но в целом, как мне показалось, был человеком не плохим. В прошлом работал энергетиком на крупной тепловой электростанции. Возвращался с похорон своей тёщи. Дочь тёщи, то есть его жена не ездила. Меня это удивило. Но я спрашивать не стал. Подумал, что, наверное, в силу каких-нибудь обстоятельств не смогла.

В течение всего дня мы ехали молча, наблюдая мелькающие картинки за окном. Потом, ближе к вечеру Сергей Николаевич вдруг достал из сумки бутылочку коньяка и предложил выпить за знакомство и заодно помянуть тёщу. Я не отказался. В свою очередь достал палку копчённой колбасы, варёные яйца и что-то из зелени. Стол получился довольно завидный.

Стук колёс, мелькающие за окном картинки, легкий перезвон стаканов, то наполненных, то опустошённых, успокаивали и делали поездку приятным событием. Сергей Николаевич постепенно расслаблялся и входил в доверие. Он рассказывал о своей жизни, о своей работе, о своей семье. Ему очень нравилась трудовая деятельность на объектах большой энергетики, где он всю свою жизнь большую часть времени проводил оперативником по вахтам.

Появилась вторая бутылка. Только водки. Мы вошли в доверие так, что перешли на довольно близкие личные темы, такие, о чём говорить вслух не принято.

– Ты знаешь, Владимир, – вдруг осторожно сказал Сергей Николаевич, – вот похоронил тещу, а на душе как-то не спокойно... пусто что ли...

– Да, это и понятно, – поддержал я, сочувствуя, – всё-таки близкий человек...

– Да... вот именно... близкий, – задумчиво повторил Сергей Николаевич, – мы же любили друг друга... по-настоящему, – осторожно он продолжил, глядя мне в глаза, – мы же были любовники... страстные, так любили друг друга искренне и нежно... прямо до безумия...

Честно сказать, до меня не сразу дошёл смысл его слов, поэтому он не почувствовал сожаления и подвоха, что проболтался в столь интимном вопросе... Когда я осознал, меня охватило дикое любопытство узнать подробности столь щепетильного обстоятельства. Но я молчал, ожидая доброволь-

ного признания от самого автора со всеми подробностями и откровенностями. И я в ожидании продолжал молчать, а он плесканул в стаканы водки, и мы молча выпили. И скоро Сергей Николаевич продолжил:

– Тут всё сложно... Сразу не понять... Я пришёл из армии и устроился на ТЭЦ обходчиком турбины в котлотурбинный цех. Она, моя будущая тёща, работала в топливном цехе... точнее, изначально, жена... Я как увидел её, так сразу влюбился... Мне было тогда 24 года, а ей – 32... Она, красивая разведённая женщина, проживала с 14-летней дочерью в однокомнатной квартире. Мужики смеялись надо мной и прикалывались, а я никого не слушал и сделал ей предложение... Скоро мы поженились. Я полюбил её дочку, как свою. И мы прожили три года душа в душу, а вот совместного ребёнка так и не нажили. А мне так хотелось своего ребёнка... Когда проверились у врачей, оказалось, она не способна больше иметь детей, и отношения на этой почве стали ухудшаться, назревал развод... Тогда она и сказала на семейном совете, мол, раз такое дело, женись на моей дочери, ты мужчина хороший, правильный, да я и вижу, что вы друг другу нравитесь, тем более ей скоро будет 18 лет... Вот так она и стала тёщей, а её дочь мне женой, и скоро она родила от меня девочку... Я стал заниматься грузоперевозками, чтобы заработать побольше денег, как-то увеличить бюджет семьи... Всё вроде ничего, но мне пришлось спать и с женой, и с тёщей, даже был своеобразный график, но не ред-

ко бывало, что приходилось спать сразу с двоими... Ты даже не представляешь, как это было тяжело, я бы сказал, сушная каторга... Купил я им четырёхкомнатную квартиру, обставил мебелью, одел всех с иголки... Словом, выдержал так лет пять и сбежал... Это как в сказке о золотой рыбке... Всё им было мало... Давай им ещё, ещё и ещё... Потом уж я доучился, закончил, наконец, институт, стал энергетиком, всё больше ездил по командировкам, но им всегда помогал, дочь моя уже взрослая, закончила пединститут, но работает не по специальности где-то в торговле, даже успела замуж выйти за какого-то не русского, то ли за азербайджанца, то ли за таджика... Словом, жизнь пошла как-то наперекосяк... Да, было время, когда я был по-настоящему счастлив, живя с женой, то есть с тещей, пока не связался с её подачи с дочкой... Вот тещу похоронил, а дочь её так и живёт одна, спивается то с одним собутыльником, то с другим, и я в этом чувствую свою вину, но не любил я её никогда. Вот как сложилось всё, не проявил я настойчивости, уступил сложившимся обстоятельствам. Слаб в то время оказался...

Сергей Николаевич замолчал. Было видно, что, окунувшись в прошлые воспоминания, ему было тяжело, он душевно страдал и мучился, даже алкоголь не помогал, а, наоборот, обострил эти страдания. Я молчал и не знал, как реагировать. Человек высказался о самом сокровенном чужому временному попутчику в моём лице в надежде облегчить свою душу.

За окном наступила глубокая ночь. Колёса неумолимо стучали, ускоряя наше расставание. Я вышел рано утром, не попрощавшись, когда Сергей Николаевич ещё крепко спал.

БЕЗГРЕШНЫЙ ЛЮБОВНИК

Я безвольно лежал в пустой темной квартире. Слезы, заполняя глаза, беззвучно скатывались по моим щекам и падали на подушку. Уже давно было за полночь, а я все лежал и думал. Была ли это любовь? Если да, то настоящая ли? Скажу честно, не знаю. Она у меня была первая женщина, я у нее первый мужчина. Я сладостно потянулся, отгоняя прочь душевные переживания, и меня неожиданно охватили воспоминания...

Я как-то остался ночевать у Лены. Мама, Лена и я в силу некоторых обстоятельств расположились в одной комнате. Мне постелили на полу около кровати Лены. Скоро погасили свет, и я почувствовал, как мое сердце, усиливая ритм, забилось так, что я испугался: не проснется ли мама. Я потихоньку придвинулся к кровати, и моя рука проскользнула под одеяло... Я нежно гладил ее волосы, плечи, обнаженные груди. Ее упругая трепетная кожа волновала меня все сильнее и сильнее, до меня доносилось ее горячее дыхание. Я осторожно потянул ее за руку, и она, словно ожидая этого сигнала, сразу же сползла ко мне.

Наши жаркие ласки и обоюдное желание привели к тому, что у нас Это получилось. Мы лежали друг на друге и неко-

торое время не осознавали, что с нами произошло. Первой, пожалуй, поняла Лена. Она вдруг начала всхлипывать, сначала тихо, неуверенно, потом с каждым разом все громче и продолжительней. Я лежал истуканом и не знал, что делать. Лена, наконец, разрыдалась.

– Что, что случилось? – проснулась мама.

Мы лежали и молчали.

– Что произошло, я спрашиваю? – не на шутку всполошилась мама.

Лена нетерпеливо затолкала меня в бок. Мама уже встала, накинула халат и включила свет. Мы лежали вместе на полу и, наверное, очень бестолково смотрели на нее.

– Саша, что случилось? – серьезно глядя на меня, спросила она.

Я потупил глаза и ощутил сухость во рту.

– Лена... того... уже не девочка, – вяло выдавил я.

– Уа!.. Как?..

Я заметил, как у мамы встали волосы дыбом, и она повторила меня, став истуканом.

– Вы с ума сошли! – устало выпалила она, опустившись на диван. – Саша, ты хоть, надеюсь, туда... – мама замялась, – не кончил? – и с надеждой посмотрела на нас.

– Туда, – разрушительно сказал я и виновато заморгал невинными глазами.

– Вы с ума сошли! – опять повторила мама, подхватив отвисшую челюсть. – Вам же еще учиться надо...

После этого случая мы заговорили о свадьбе. Думали, как только Лена окончит этот курс, пожениться. Но через некоторое время выяснилось, что папой мне не суждено стать. Это, пожалуй, и изменило ход событий: Лена променяла меня на перспективного подающего надежды молодого ученого. На счастливчика Сереженьку...

Вот так я и остался один.

Погоревал, погоревал я, наверное, с недельку. Потом плюнул и решил уйти в плавание на каком-нибудь гражданском торговом судне. Мне даже открыли визу для заграничного плавания. Но здесь на ход событий повлияла мама Лены. Она как-то нашла меня, и у нас состоялся серьезный разговор.

– Саша, я вчера звонила в Москву Лене, – сказала мама, пристально глядя на меня.

Я же равнодушно продолжал смотреть в морскую даль, ничем не выказывая никаких эмоций.

– Слушай, любит она тебя, любит! Мое материнское сердце никогда не подводит меня. Этот гад просто задурил ей мозги. Она же у меня еще ребенок, – мама вытерла нахлынувшие слезы.

– А я то здесь причем? – равнодушно промямлил я. – Она уже свой выбор сделала. Да и мне через месяц уходить в плавание. Сами понимаете: корабль, море, работа, – некогда сопلي распускать.

– Саша, ты что! Какое море, какое плавание? Тебе учиться надо. Что ты как размазня! К черту всех! Завтра же с тобой

едем в Москву. Ты там же с Леной будешь учиться в авиационном институте. Заодно и с этим замухрышкой разберемся. Я ему покажу, зять хренов! Сашенька, только ты будешь моим зятем! Я так хочу! Все, собирайся в дорогу и не спорь со мной...

Мы ехали в купейном вагоне поезда «Севастополь – Москва». Я, заряженный какой-то необъяснимой дикой энергией мамы Лены, наперекор себе с легкостью, даже с каким-то трепетным желанием отправился вместе с ней в Москву. Мама была веселая, молодая, кипучая, решительная и быстрая, как горная речка. Мой вид, однако, напоминал спокойного, уравновешенного, уверенного в себе киллера, отправившегося выполнять по спецзаданию важную миссию.

– Сашенька, ну что ты такой угрюмый? – улыбаясь, говорила мама, когда мы расположились в купе. – Смотришь из-под лобья так, что аж мурашки бегают! Я-то тебя знаю, а пассажирам каково? Ведь перепугаются все! Ну, улыбнись, улыбнись!.. Во-от, во-от, какая прелесть! Как ты на моего Родичку похож! У него такая же улыбка, добрая, грустная, какая-то отрешенная, такие же глаза. Он, когда так улыбался, мне почему-то хотелось плакать. Он как будто меня предупреждал, а я, дура, даже ни о чем не догадывалась. Я в то время была такая счастливая...

Мы лежали на верхних полках напротив друг друга, и я с интересом слушал и не перебивал. В купе кроме нас никого

не было. И мама, окунувшись в прошлое, рассказывала:

– Сашенька, я же училась в Ленинграде в театральном институте. Была круглая отличница! А как я играла, как я играла! Приходил весь институт, когда была постановка Шекспира. Помню, как я набросилась на своего партнера-Отелло, когда он меня чуть по-настоящему не задушил, – мама кокетливо засмеялась. – Какая я тогда была Дездемона! Толик Козлов, который тогда играл грозного Отелло, сам не мог понять, что это на него нашло. До того все было естественно... А потом появился Родя. Мы с девчонками билеты в кино покупали, и мне как раз один не достался, он его забрал перед нами. Злая я тогда на него была, я его со спины видела. Вот, думаю, верзила: стоит этакий шкаф под два метра, своей широченной спиной загородил все окно, да еще тут мой билет забрал. Я еще со злости не рассмотрела, что он в военной форме был в звании капитана. Он потом повернулся ко мне лицом, такой довольный, радостный, а тут я стою, обиженная девчонка, чуть не плачу. Тут наши глаза встретились... Ой, Сашенька, это надо видеть! Дальше все было как в кино! Я сразу забыла про все. Стою, смотрю на него и не могу оторваться, и он то же самое... Я все бросила: и институт, и карьеру артистки, – и поехала за ним в Симферополь, он был морским летчиком. Там в университете доучилась, потом нам дали квартиру в Севастополе, скоро Леночка появилась. А как он Леночку любил! Вернется с полета домой, сразу же схватит ее и не отпускает. И она от него ни на шаг.

А я, дура, ревновала, скандалы закатывала. Родя хотел нас в Москву перевезти, готовился в военную академию. Да, видно, была не судьба: произошла у него на службе при испытаниях новой установки какая-то авария, и Родя получил большую дозу облучения. Долго он лежал и мучился, медленно умирая, – в глазах у мамы блеснули слезы. – Наверное, тогда у меня появились первые седые волосы. Вот так, Сашенька. Я очень желаю, чтобы у вас с Леночкой все было хорошо. Просто она еще глупая, очень хочет жить в Москве. Это к ней от папы передалось. Но она любит тебя. Эх, жалко мне столько лет!..

Мама грустно улыбнулась и посмотрела на меня как-то немного по-другому. Я смутился и покраснел, наверное, как красная девица. Передо мной улыбалась обаятельная южная сорокалетняя женщина, которая своим видом могла затмить любую молодую девушку. Ее высокий упругий бюст возбужденно колыхался, а блестящие глаза, пылающие дикой страстью, смотрели на меня с неким вызовом. Я окончательно растерялся. Мама рассмеялась и ласково погладила меня по голове.

– Ой, Сашенька, глупенький, что ж ты такой?! – сказала полушепотом мама. – Ты же мужчина! Женщины любят уверенных мужчин...

Поезд прибыл на Курский вокзал строго по расписанию. Толпа пассажиров, разделившись на потоки, заполонила всю привокзальную площадь. Мама, словно горная козочка,

ка, стремительно проскочила сквозь очередь и первой открыла дверцу подъехавшего такси. Таксист еще не успел открыть рот, а толпа возмутиться, как она уже сидела в салоне и нетерпеливо звала меня. Я, стыдливо опустив голову, с трудом пробрался сквозь толпу и протиснулся следом на заднее сиденье.

– Все, Сашенька, я договорилась, – не обращая ни на кого внимания, радостно сообщила мама, – нас довезут до самого дома на Катукова.

Мама сразу же нашла общий язык с молодым водителем. Он быстро узнал, с какой целью мы приехали в Москву. Ко всему, он и сам оказался флотским парнем.

– Правильно, – согласился он с мамой, – таких мочить надо, чтоб не уводили чужих невест.

– Вот и я говорю Саше, взял бы его за шкуру да прижал как следует, и ее нечего слушать, забирать ее надо.

Я проглотил язык и всю дорогу молчал. Мама, поддерживаемая водителем, проводила мне инструктаж: как и в какой ситуации мне нужно действовать. А я все молчал и чувствовал себя полным идиотом.

Как мне показалось, приехали мы довольно быстро. Водитель, подмигнув, пожелал нам удачи. Со словами «за любовь надо бороться» мама задала темп нашему авантюрному предприятию, и мы решительно ворвались в нужный подъезд двенадцатиэтажного дома.

Вот и нужная квартира, дверь, обитая коричневым дерматином.

тином. Звонок не работал, и мама с наслаждением заколошматила, делая отбивную из дерматина. Через минуту дверь дрогнула и разинула щель.

– Открывай, открывай! – радостно воскликнула мама, подхватывая дверь руками. – Что, не ждали? Саша, заходи!

Уа, какое испуганное выражение застыло на лице Сережи! Да, мама права, мне надо чаще улыбаться. И Лена. Какие большие круглые глаза! О-о, бедняжка, и какая же ты бледная! Понимаю, городская столичная жизнь, нехватка кислорода, обмен веществ...

– Вы... приехали... как..., – задыхалась Лена.

Сережа, схватив Лену за руку, застыл рядом. На их пальцах блестели обручальные кольца...

Я и мама молча ехали назад. На Курский вокзал. На автобусе. Почему-то хотелось смеяться. С трудом сдерживая желание, я покосился на маму. Она сосредоточенно о чем-то думала.

– Ну и черт с ней! – наконец, в сердцах воскликнула она. – Больше знать не хочу. Все, Сашенька, сейчас поедем в Электросталь к тете Поле, там отдохнем. Она простая, хорошая тетка. Правда, курит и матерится, но гостеприимная. Мы только ей бутылку купим. Да?

– Угу...

– Да ты не горюй, она еще сто раз пожалеет.

– Угу...

– Что угу?

– Купим... Вина или водки?

– Лучше водки, она вино не очень... Так ты что, Лену не любишь что ли?

– Не знаю... Но если ей с Сережей лучше, так что горевать? За нее наоборот надо порадоваться. Да и в Москве теперь живет, прописана в двухкомнатной квартире. Чего хотела, того и добилась.

– А как же ты?

– А-а, там видно будет. Пока поучусь в институте.

– Вот и правильно. Она сама еще к тебе прибежит. А сейчас мы поедem к тете Поле...

Тетя Поля жила в двухэтажном старом домике, построенном, наверное, еще при Иване Грозном. Она жила когда-то с дочерью, а теперь, когда та вышла замуж и куда-то уехала с мужем, осталась одна.

– А-а, твою мать, Ирка! Это ты, дрянь такая! – открыв дверь, эмоционально встречала нас гостеприимная тетя Поля. – Я уж думала, совсем тетку забыла. Ба-а, а это что за каланча с тобой?

– Да тихо ты, тетка! Что шумишь? Парня напугаешь! – смеялась мама, обнимая тетю Полю.

– Поди, что-нибудь надо, раз приперлась, – изливала нежные родственные чувства тетя. – Что там у тебя стряслось? Как Ленка, стерва твоя, замуж не вышла? А это кто? – она посмотрела в мою сторону, и я захотел исчезнуть. – А он ничего, благородный юноша, – тетя Поля кокетливо поправила

прическу. – Кто ж такой?

– Жених Лены, – лаконично сказала мама.

– Он? Жених? Такой благородный скромный мальчик и этой стервы? Ну и дела-а-а...

– Тетка, прекрати! Что ты себе позволяешь? Я сейчас уйду! – обиделась мама.

– Да ладно, Ирка, что ты здесь ломаешься. Сама же знаешь, какая она у тебя эгоистка хренова. Нашлась тут, видишь ли, принцесса на горошине.

– Да перестань ты ругаться. Мы еще даже в квартиру не прошли, а ты строчишь как из пулемета, – парировала мама. – Мы есть хотим, голодные как собаки. Смотри, что мы прихватили.

Мама, улыбаясь, достала из сумки бутылку водки.

– Вот с этого и надо было начинать! – обрадовалась тетя Поля. – А то стоит тут, варежку разинула. Проходите, проходите, гости дорогие! Проходите юноша, проходите, ну что вы топчитесь... Ой, Ирка, смотри, как покраснел! Какой хорошенький! Ирка, ****ь такая, смотри, не соврати! Знаю я тебя: Леенкин, а сама на него глаз положила.

– Тетка, ты совсем рехнулась на старость лет. Я же тебе правду сказала, он жених Лены. Только эта дура за другого вышла.

– О-о, юноша, считайте, что вам повезло. Вам не такую стерву надо.

– Тетка, прекрати наговаривать на мою дочь. Не правда,

она у меня умница.

– Конечно, умница. Поди, за москвича вышла?! Прописка?! Ну, о чем я говорила?! Стерва, она и есть стерва! Да, ладно, Ирка, не злись! Иди ко мне, моя засранка. Давай хоть поцелуемся, я уж тебя сто лет не видела...

Уже сильно вечерело. Мама и тетя Поля не спеша уговорили бутылочку водки. Я выпил чисто символически.

– Молодец, Саша, не пьешь, не куришь, – похвалила меня тетя Поля. – Эх, кому-то достанется такой хлопец... Во, Санька, давай-ка я на тебя погадаю по картам.

Тетя встала и начала рыскать по квартире, хлопая шкафчиками и гремя посудой.

– Вот, нашла! – наконец, сказала она. – Идите сюда в зал, здесь разбросим карты.

– Давай сначала на Лену! – подхватила мама. – Что ее ждет впереди?

– Давай, давай, на твою стервозочку, – тетя ловко принялась сортировать карты. – Так, здесь один король, здесь другой... Это все понятно... Нет, а вот какого хрена здесь третий король делает?.. И туз рядом... А-а, все ясно! Короче, Саша, ничего у нее с этим крестовым королем не выйдет, плохо будут жить.

– Тетка, что ты ерунду всякую болтаешь?! – взорвалась вдруг мама.

– О-о, мамашка хренова! Всполошилась! Раньше надо было думать! Надо было дочь как следует воспитывать, а не по

мужикам шастать.

– А я что делала?

– Да ладно, Ирка, не шуми, я просто так это сказала. Я вообще в картах ничего не соображаю, в дурака и то забыла, как играть, а ты расшумелась. Иди ко мне, моя дуреха, я же по тебе соскучилась... Эх, ты моя, взбалмошная... Пупсик ты мой...

Родственницы обнялись и затихли. Я сидел и молчал, глядя на них. Трогательная картина.

– Ладно, хватит! – вдруг дернулась тетя Поля, и я заметил, как она украдкой смахнула слезу. – Спать пора, а то Санек вон уже зевает. Я вам здесь постелю, в зале, на диване и на полу, а там, поди, сами разберетесь, кто где ляжет, – тетка хитро блеснула глазами, – а я уж в спальне...

Я лег на полу, мама на диване. Тетя Поля покряхтела, покряхтела, что-то бормоча, и скоро затихла.

– Ну как тебе тетка? – тихо спросила мама.

– Интересная женщина... правда, грубоватая, матерится много, – осторожно сказал я.

– Она добрая, я у нее по молодости часто бывала. Она же в сталинские времена на Колыму была сослана, там лет десять прожила.

– И за что ее?

– А вот за язык, за ее прямоту... Сашенька, ты хочешь спать?.. И мне тоже не хочется. Можно, я лягу с тобой... рядом, чтобы не шуметь, так хочется поговорить.

Мама легла рядом. Я почувствовал запах ее волос, жар ее тела. Мне почему-то стало не спокойно. Я вдруг отчетливо услышал удары собственного сердца. И какая-то тревога охватила мою душу.

– Сашенька, ты сильно переживаешь из-за Лены? – шепотом спросила мама, повернувшись ко мне боком.

– Да нет, – сказал я, с трудом вытолкнув слова.

– И правильно. Тебе обязательно надо переспать с другой женщиной, чтобы легче стало.

– Да мне и так не трудно.

– Нет, Саша, это ты поймешь тогда, когда ... с другой женщиной...

– Так у меня кроме Лены и никого нет... не было... пока...

– Саша, а я... я же тебя люблю... ты мне так Родю напоминаешь...

– Так вы... ты... мама Лены...

– Ну и что... я же женщина... а-а, тебя смущает разница в возрасте?... глупенький!.. А ты знаешь, что у Шекспира в 16 лет была любовница в возрасте 53 года! Да, у самой тети Поли муж был моложе на 14 лет, – говорила возбужденно мама, придвинувшись ко мне, – глупенький мой, глупенький...

Мама прижалась ко мне и начала осторожно гладить мою голову. Ее руки, нежные и ласковые, мягко поползли ладонями по моему телу, а вслед за ними и мои мурашки.

– Ты что, замерз? – удивилась мама. – Подожди, я сейчас.

Она быстро встала и зашлепала на кухню. Я лежал не живой не мертвый. Мой разум боролся с моей плотью, прихоть которой так бурно среагировала на женское тело. Да, мама была женщиной, и этот факт моя необузданная плоть осознала вперед моего разума. Боже мой, что делать? Как это возможно? Я нащупал свои брюки и уже вскочил, чтобы одеть их и постыдно бежать сломя голову, как появилась мама.

– Сашенька, ты куда? – ласково пропела она, неся бокал.

– Я... в туалет..., – растерялся я, – что-то живот... того...

– Болит?

– Да... что-то...

– Тогда это кстати, на, мой сладенький, выпей... Пей-пей, это бальзам, очень вкусный и полезный. Здесь редкие травы и ягоды, настоянные на спирте, тебе поможет.

Я сделал несколько маленьких глотков и мне, правда, понравилось. Я забыл про живот, и меня вдруг обуяла уверенность.

– Ну, как, вкусно?.. Легче стало? – спросила мама, внимательно наблюдая за мной. – Сашенька, а мне дай попробовать!

Мама немного пригубила и опять вернула мне.

– Допивай все остальное, а я пока схожу в ванную.

Она ушла. Скоро зашумела водопроводная вода. Я допил и поставил бокал на столик. Меня охватили смутные сомнения. Я начал терзаться. Тепло, возникшее в моем животе, быстро распространялось по всему телу: до моей головы

вместе с теплом доходил легкий приятный дурман, а внизу, словно гриб, вырастал... о, Боже, я нащупал рукой и мне стало неловко. Пока я боролся с самим собой, как опять появилась мама.

– Сашенька, сходи тоже. Там увидишь большое цветастое полотенце, оно свежее. Иди, мой хороший, я жду тебя.

Она дотянулась до моих губ и чмокнула меня, и я, оттопыренный, послушно пошел в ванную.

Я дрожал уже всем телом, когда возвращался обратно запахнутый полотенцем.

– Иди, иди, мой милый! Я жду тебя! – страстно звала она меня, протянув навстречу руки, и я оказался в ее жарких объятиях...

СЕМЕЙНЫЙ ДОГОВОР

Моя жена работает в школе учителем английского языка. У них был вечер, посвящённый дню учителя. Я в это время был занят производственными делами и пришёл домой поздно вечером. Открыв входную дверь, я услышал заунывную трогательную песню неизвестного мне исполнителя, который страдал и давил на психику:

«В шумном зале ресторана,
Средь веселья и обмана,
Пристань загулявшего поэта.
Возле столика напротив
Ты сидишь вполоборота,

Вся в луче ночного света.

Так само случилось вдруг,

Что слова сорвались с губ.

Закружило голову хмельную.

Ах, какая женщина, какая женщина!

Мне б такую!..»

Я прошёл в зал. Спinoй ко мне неподвижно сидела задумчивая жена и слушала кассетный магнитофон. Оказавшись рядом, я увидел полные слёз глаза. Они у неё загадочно блестящие, а на губах блуждала романтическая счастливая улыбка.

– Привет! – сказал я, не совсем понимая, что с ней. – Тебя кто-то обидел? Или что-то случилось? – спросил я.

Она никак не прореагировала, а продолжала всё также молча сидеть и слушать страдания. Я выключил магнитофон. Она вздрогнула и посмотрела на меня.

– Он для меня исполнял эту песню... понимаешь, для меня... вот так наклонился к самому уху и прошептал: эту песню я посвящаю тебе! – бессвязно и трогательным дрожащим голосом выдавила жена, вытирая рукой слёзы.

– Кто? – не понял я. – Этот певец? Вы что, ансамбль в школу приглашали?

– Нет... Серёжа... наш охранник... он бывший учитель литературы и русского языка... сейчас работает охранником, сам играет на гитаре и сочиняет стихи... Вот он и пел эту песню для меня, и все видели и завидовали мне, что у меня

есть муж и любовник...

– А он что, твой любовник? – удивился я.

– Нет... но все так думают, а мне приятно... Ты же знаешь у нас в основном коллектив женский, а он выбрал среди всех именно меня... Мне так приятно! – романтично сказала жена, и у неё ожили, лихорадочно заблестев, глаза.

– Дааа... Вот это новость! – вслух выразил я удивление. – Ну, давай я тебе буду петь эту песню хоть каждый день, для этого даже выучу наизусть слова, – искренне я выразил свою готовность, – как там... ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую! А, да, ты же моя жена... Это, наверное, не интересно...

Жена вытаращила на меня глаза и вдруг истерично зарыдала.

– Понимаешь, я люблю его... я не могу без него, и он любит меня, – палила жена как из пулемёта.

– Так, а как же я? – глупо спросил я.

– А ты – прочитанная книга! И у него есть жена, она тоже учитель, и они живут по привычке...

Я видел, что жена была в таком состоянии, что с ней бесполезно выяснять отношения. Я замолчал и вышел на кухню. Мой желудок напомнил, что я не ужинал, и он, желудок, тоже начал напевать мне страдальческую песню: ах, какой я голодный, какой голодный, я давно ничего не ел...

Мы с женой уже практически неделю не разговаривали, старались в квартире не пересекаться. Тем более я работал

по вахтам, и это облегчало задачу. Правда, один раз, чувствуя чисто физиологическую мужскую потребность, я пытался приласкать жену. Но она остановила мои ласки и молча вставила мой возбуждённый член в свою киску. Но там было сухо, неудобно и больно. У меня пропало желание, и я ушёл в зал на диван.

Так прошла ещё неделя. У меня был выходной, и я что-то делал по дому. Неожиданно раздался квартирный звонок. Я открыл дверь. На пороге стояла тёща. Нужно сказать, что тёща жила в соседнем доме прямо напротив школы, где работала жена. И надо признаться, тёща была довольно интересная дама, немного за пятьдесят, но тело ещё сравнимо с молодой женщиной.

– Зять, ты куда смотришь? – сразу же с порога она напала на меня. Тут нужно отметить, что она всегда была такая боевая и агрессивная. – Твоя опять пошла провожать этого охранника на электричку. Иди догони их и устрой разгон. Что ты ей позволяешь?

– Да, ладно, успокойся, что дёргаться, – равнодушно заметил я.

Признаюсь, с тёщей я давно на «ты», я даже недавно на её юбилее, когда были все подвыпивши, признался ей в любви, а когда были наедине, приобнял и поцеловал её в губы. Она тогда улыбнулась и ничего не сказала, но после того случая потеплела и стала со мной ласковой.

– Как не дёргаться? – не унималась тёща. – Что ты ей поз-

воляешь?

– Да, любовь у них, пусть побалывается, никуда не денется, – успокоил я тещу, – проходи лучше в квартиру, что стоять на пороге.

У меня была какая-то злость, сначала на жену, которая клюнула на ухаживания чужого мужика и стала за ним бегать, как собачка. Потом тут пришла теща и снова меня подогрела. Тут я сорвался, схватил тещу за руку и потащил в спальню. Она, не ожидая от меня такого напора, не сопротивлялась и послушно шла за мной. Я сходу завалил её на кровать, задрал юбку и стянул колготки.

– Зять, ты что делаешь? – испугалась теща, осознав мои действия. – Ты с ума сошёл?

– А что я делаю? – заводился я и не отпускал тещу. – Ты же виновата в первую очередь, что дочь такая, вот и отвечай за неё. Я скоро из-за неё импотентом стану.

Теще уже было не до шуток, но она почему-то не сопротивлялась и позволяла мне её раздевать. Она оставалась уже в блузке, когда я стянул с неё кружевные светлые трусики. Я быстро снял трико и навалился на неё всем телом, раздвинув её полнеющие ноги.

Она была мокрая, и я легко вошёл в её горячую вульву. В течение минуты я прыгал, как ошпаренный, пока не кончил. Теща раскраснелась, её лоб покрылся испариной. Я залез под блузку и начал мять её большие груди. Она безвольно лежала подо мной и легонько подмахивала. Я снова по-

чувствовал силу и скачки продолжились, только более продолжительней...

Тёща уходила молча. Только на пороге остановилась и устало сказала:

– Ну ты, зять, даёшь... не ожидала я от тебя такого... С женой сам разбирайся, делай с ней, что хочешь, я тебе больше слова не скажу...

Тёща ушла, хлопнув дверью. Я, опустошённый, стоял около окна и ждал, когда тёща выйдет из подъезда. Было не понятно, почему она ушла раздражённая и недовольная, а ведь не сдерживала себя, подмахивала и даже временами сладко стонала. Словом, тёща – кремень, как только её выносит тесть, хотя он весь больной, любил, грешный, в молодые годы выпить. Да, пожалуй, живя с такой бабой, точно сопьёшься или преждевременно помрёшь. Другого не дано.

Наконец, тёща вышла из подъезда и заспешила уверенной походкой к себе домой. Напоследок резко повернулась и стрельнула взглядом по окнам, попав прямо в яблочко.

Поздно вечером пришла жена. Я встретил её с ехидной улыбкой, а она демонстративно прошла в ванную комнату и скоро зашумела водой.

– Как Серёга? Ничего мужичок? – язвительно спросил я, когда жена вышла из ванной комнаты.

– Дурак! – достойно парировала жена. – У нас родительское собрание только что закончилось, обсуждали серьёзные вопросы.

– Да! А мама сказала, что ты своего любовника провожала... И, вообще, что это тёща лезет в наши отношения?

– Достали вы уже все меня! Что я должна перед вами отчитываться не понятно за что? Я же не спрашиваю, что вы там делаете, когда меня нет! – парировала жена, резко нападая на меня.

– Интересно девки пляшут! Меня ещё и разносят! – разозлился я. – Я же не бегаю за соседкой, хоть она мне и нравится!

– Кто? За кем? Валька что ли? – взорвалась жена. – Так она худая, как вобла, у неё ни попы, ни сиськи!

– Да, ладно, наговаривать! – не сдавался я. – У неё, кстати, сиськи что надо, дынеобразные с крупными сосками.

– А ты откуда знаешь?

– Забыла, что ли, она недавно приходила к нам за солью, и вы сидели на полу, когда ты хвасталась обоями. Вы их так тщательно рассматривали, что ползали на четвереньках. Вот из-под халата у неё и выпрыгивали сиськи, я успел разглядеть. Кстати, у неё и попа довольно круглая...

– Ах ты, гад! – взбесилась жена. – Тихоня! Раз так, я вам сейчас устрою!

Жена взяла телефону и стала набирать чей-то номер.

– Алё, Валька, привет! Ты сильно занята? Собираешься спать ложиться? Ааа... Муж на работе в ночную... Да так, ничего... Можешь зайти на минутку? Давай, я открою дверь!

Я растерялся от такой прыти и с недоумением смотрел на

жену, та только усмехалась, явно что-то задумав.

Скоро пришла соседка, она была в том же халате.

– Привет! – сказала соседка, проходя в зал.

– Привет, Валька! – обрадовалась жена. – Присаживайся на диван!

Соседка, ничего не подозревая, важно опустилась на диван и оголила свои коленки. Я бестолково улыбался и молча наблюдал за происходящим.

– Валька, ты знаешь, что нравишься моему мужу, и он хочет тебя? – серьёзно выпалили жена.

Соседка даже думать не могла, и от такого прямого сообщения, просто, вытаращила глаза и впала в кому. Она растерянно смотрела то на меня, то на жену, и не могла понять – шутка это или прикол.

– Нее, Валька, я серьёзно... Ты же сама говорила, что тебя муж не удовлетворяет, а у меня, смотри, какой жеребец! Мне хочется своему мужу сделать приятный сюрприз... Валька, ну, чё ты растерялась, я же серьёзно... а ты, что стоишь, ты же сам говорил, что тебе соседка нравится... Иди к нам! Иди, иди же! – обратилась жена уже ко мне.

Вот это поворот! Я даже в мыслях такое не мог представить. Зачем это делала жена я не понимал. Честно сказать, тогда я и не хотел понимать, но её неожиданные действия меня завели, и я с вожделением смотрел на соседку. Соседка тоже ничего не понимала, а только молча улыбалась. Жена стянула соседку на пол и поставила на четвереньки. Та не

сопротивлялась, а, опустившись на пол, почему-то оттопырила свою задницу.

– И, правда, круглая попа! – удивилась жена, задрав ей халат. – Надо же муж рассмотрел... А, ну-ка, Валька, сиськи покажи! – и жена без смущения распахнула ей халат. Соседка была полностью голая – под халатом никакой одежды не было.

Я поплыл. Я такого от жены не ожидал. Как будто они с соседкой сговорились, решив устроить мне стриптиз. Слишком у них всё слажено получалось, да и соседка вела себя странно, как-то безропотно выполняла все действия по указанию жены. Жена тоже рядом опустилась на колени и задрала свой короткий тонкий халат.

– Ну, смотри теперь, как мужчина, у кого задница аппетитней! – приказала мне жена, выровнявшись с попой соседки.

Я, буквально, оторопел. Я такого явно не ожидал. Но неожиданно возбуждился и стал проявлять искренний интерес. Я подошёл сзади к жене и стал щупать её задницу, похлопывая по ягодицам, а сам в это время с удовольствием рассматривал соседскую попу.

– Да, что ты меня бьёшь! – не выдержала жена. – Ты замерь сначала мою, потом Валькину.

Я не понимал, как замерить и что им нужно, словом, что они вообще хотят. Но я, глядя на их попы, вдруг так сильно возбуждился, что достал свой твёрдый член и стал водить го-

ловкой по манящей вульве соседской киски.

– Ой, ты что делаешь? – дёрнулась соседка.

– Как что, мерю! – спокойно сказал я и мягко погрузился в мокрую уютную киску.

Так я мерил несколько раз, боясь ошибиться, пока не возмутилась жена, – ей очень хотелось узнать результат замера в сравнении с её киской. Жена тоже была мокрая. И я поочередно мерил то жену, то соседку, то жену, то соседку. И они помогали мне, облегчая замеры лёгким подмахиванием. Вот так скрупулёзно я и мерил их, пока не известил о результате тщательных замеров своим сладострастным рыком, орошая горячие живые ягодицы плодом своих стараний.

Потом мы все сидели и пили чай с мёдом. А я так проголодался, что достал из холодильника большой кусок сырокопчёной колбасы. Проглотил – не заметил, как. Хорошо, были ещё варёные яйца и сыр. Всё съел. Наверное, на нервной почве. Все были довольны и счастливы. Я, пожалуй, больше всех. Соседка уходила радостная, а жена, провожая, отстранила меня в сторону и даже поцеловала её в губы. Вот так мы с женой помирились или помирились, не знаю, как точнее и правильней. И она, намекая на соседку, убедила меня больше не говорить с ней об охраннике Сергее. На этом, вроде как, и порешили. Но неожиданно семейные отношения получили дополнительный эмоциональный всплеск, приведший к новому продолжению любовных приключений.

Я заметил, что жена погрузилась в депрессию. Она поте-

ряла интерес к жизни и превратилась в безвольное существо. Такое состояние у неё бывало довольно редко, и я при случае поинтересовался её делами, хотя мы договорились, не лезть в душу друг другу без особой надобности, то есть можно лезть, но только с разрешения другого. Она долго молчала, не отвечая на мои вопросы. Потом не выдержала и призналась, мол, Сергей стал её избегать, вроде как, ему стало стыдно перед женой, что он тайком встречается с чужой женщиной, то есть с моей женой. Вот сволочь! Видишь ли, ему моя жена перестала нравиться! Я ходил целый день в раздумьях. И тут меня вдруг осенила мысль, и я поспешил поделиться с женой. Я предложил ей пригласить к нам на выходные Сергея вместе с женой, заодно познакомимся, а там видно будет. Словом, как бог даст. Жене такая идея понравилась, и она заметно повеселела. Решили пригласить их на эти выходные.

Они приехали с некоторым опозданием. Жена, расфуфыренная как никогда, беспокойно ходила по комнатам и заметно волновалась. Я торчал на кухне и втихаря снимал пробы с приготовленных блюд. Как не странно, но я был спокоен, как мамонт. Мне даже было интересно увидеть жену Сергея.

Наконец, они приехали, извещая о себе звонком. Жена вздрогнула и засуетилась, а я пошёл открывать дверь. На пороге стояли Сергей и его жена Галя. Они поздоровались и прошли в квартиру. Сергей тут же передал пакет с бутылкой

шампанского и коробкой шоколадных конфет. Шампанское я сразу поставил в холодильник. Гости тем временем разулсь, и жена провела их в зал.

Жена светилаь солнышком, одаривая всех счастливой улыбкой. А я тем временем рассматривал жену Сергея. Галя была высокая стройная женщина, длинные светлые волосы были аккуратно собраны на голове и придавали ей строгий недоступный вид, а зелёные большие глаза смотрели прямо и уверенно так, что вызывали страх и уважение у любого собеседника. Я заволновался и почувствовал неуверенность. Жена быстро накрыла в зале стол, а я включил лёгкую музыку Фауста Папетти в исполнении саксофона, звуки которого настраивали на лирический лад и гармонизировали любовные отношения. Жена принесла фужеры, и я, открыв шампанское, осторожно наполнил бокалы. Обстановка была ещё немного напряжённой, хотя всё располагало к расслаблению. Жена подняла свой бокал и, улыбаясь, просто сказала: «За знакомство!» Вроде одно слово, обыденное и простое, но процесс расслабления был запущен.

Жена, счастливая и раскрасневшаяся, переглядывалась с Сергеем, тот смущённо улыбался и косился на свою жену. Галя, напряжённая, сидела рядом и мелкими глотками пригубляла шампанское. Чтобы как-то разрядить обстановку, я обратился к Гале, спросив у неё, какой предмет она преподаёт в школе. У нас с ней завязался дружеский разговор. Жена в знак благодарности улыбнулась мне, а Сергей пригласил её

на танец. Они встали из-за стола, прошли в тёмный угол зала, прижались друг к другу и начали медленно под музыку переминаться с ноги на ногу или, если присмотреться, обниматься-обжиматься. Но Галя не видела, потому что сидела к ним спиной. Конспирация.

Я осторожно пересел поближе к Гале, она улыбнулась мне, и мы непринуждённо продолжили дружескую беседу. Я подлил шампанского, мы звякнули и выпили ещё раз за знакомство. Постепенно мы расслаблялись. Галя стала чаще улыбаться, а я осмелел, увидев за маской строгости обаятельную умную женщину. Потом мы с Галей выпили на брудершафт. Я осторожно приблизился к её губам и нежно поцеловал. Поцеловал легко и не навязчиво, но продолжительно, искренне передавая вместе с поцелуем всю свою нежность, желание и страсть.

Галя покраснелась и ей стало жарко. Я помог ей снять кофточку, и она, расстегнув заколки, освободила волосы. Её оголённые плечи были сексуально привлекательны, а небольшие груди, просматриваясь сосками через тонкую ткань, смущали меня и призывали к действиям. Я не заметил, как моя жена и Сергей ушли в спальню. Я пригласил Галю на танец. Она, высокая и горячая, доверчиво прижалась ко мне. Я разволновался. Её светлые длинные распущенные волосы благоухали возбуждающими ароматами. Мои губы находились на уровне её зеленных блестящих глаз. Я осторожно обнял Галю и прижал к себе, пытаюсь поцеловать в

губы. Она отстранилась и попросила присесть к столу. Было жарко, и мы пригубили бокал шампанского.

– Лёша, ты извини меня, – обратилась она ко мне, – у меня пуританское воспитание, поэтому имею кучу комплексов. Мои строгие родители всё запрещали мне. К сожалению, и Сергею из-за этого досталось, он у меня темпераментный мужчина, и я его понимаю, он же... дружит с твоей женой... от меня то толку мало, я сильно зажата и позволяю себе в сексе только одну миссионерскую позицию, да и то в таком напряжении, – она виновато посмотрела на меня и с трудом выдавила из себя грустную улыбку.

– Галя, не переживай так, ведь я тоже такой же, как и ты, поэтому ничего не имею против, что моя жена дружит с твоим мужем... Моя жена тоже страстная и ей не хватает моей любви, – грустно улыбнулся я и с пониманием посмотрел на Галю. Наши глаза встретились, и я почувствовал, как что-то во мне ёкнуло, и моё тело бросило в жар.

– Честно говоря, меня секс не интересует, я, вообще, не понимаю, зачем он нужен, кроме, как для рождения ребёнка, – продолжала она, – Наверное, я фригидная, ведь я совсем не получаю от этого удовольствия. Мне жаль моего мужа, но я, признаюсь тебе, лишний раз стараюсь избегать половой жизни, она мне стала, просто, в тягость. Я уважаю мужа и понимаю, что должна исполнять супружеские обязанности, но ему слишком много нужно, поэтому я согласна, что он встречается с твоей женой... Вот я и захотела позна-

комиться лично с вами, взглянуть на её мужа, который тоже спокойно к этому относится, этим мы с тобой точно похожи.

Закончив говорить, она доверительно и с благодарностью посмотрела на меня. Мне всё больше и больше нравилась эта умная женщина. Я уважительно смотрел на неё и улыбался, всем видом показывая понимание и дружеское расположение.

– Галя, какая ты замечательная женщина! – искренне сказал я. – Тебя нужно любить! И ты должна полюбить секс! Ты такая умная и такая женственная, я чувствую в тебе нежность и страсть, просто, в силу своего воспитания, ты боишься себя проявить, как женщина. И я тебе со всей ответственностью говорю, ты очень страстная женщина, ведь я ещё и психолог по образованию, поэтому я это уверенно говорю, потому что я это чувствую. Я, кстати, некоторое время занимался семейными отношениями и касался вот именно сексуальных проблем в семье.

– Да!?! Неожиданное признание и новость для меня, – искренне не то удивилась, не то обрадовалась Галя, – ты считаешь, что у меня ещё не всё потеряно? И у меня есть возможность стать страстной женщиной?

– Я в этом уверен! – искренне и решительно выпалил я. – Ты, просто, выкинь страх и все свои мысли о выдуманной фригидности, и доверься мне! Тут частая ошибка мужчин: они так увлечены своими любовными похождениями на стороне, что не пытаются разбудить женщину в своих жёнах. А

ты, Галя, очень страстная женщина! Поверь мне и доверься! Иди ко мне, моя хорошая... Не бойся, я такой же, как и ты, – я помог ей встать со стула и посадил к себе на колени. Она не сопротивлялась, но была напряжена, а я между тем продолжал, – признаюсь, у меня, кроме жены, не было женщины... Странно, Галя, но у меня такое впечатление, как будто мы с тобой давно знакомы, я никогда так ни с кем не говорил доверительно, ты мне очень нравишься... Я боюсь и очень волнуюсь...

Я осторожно обнял её и легонько прижал к себе, она не сопротивлялась, но и не проявляла инициативы. А между тем из спальни начали доноситься стоны и звонкие шлепки. Мы переглянулись с Галей и смущённо заулыбались.

– Пойдём посмотрим, что они там делают! – предложил я, и у меня тревожно забило сердце.

Я помог Гале встать и взял её за руку, и мы пошли к спальне.

Дверь спальни была прикрыта. Я пропустил Галю вперёд, а сам, встав за ней, осторожно надавил на ручку двери. В образовавшуюся маленькую щель мы увидели интересную картину. Моя жена, полностью голая, стояла на четвереньках и охала и ахала, а Сергей, пристроившись сзади, шлёпал её низом живота по пышным широким ягодицам. Жена извивалась и стонала, а Сергей, держась за её пышные дрожащие сиськи, работал, как поршень в двигателе внутреннего сгорания.

Бог ты мой, подумал я, вот это машина, сколько же в ней лошадиных сил. Но моей жене было очень приятно, и я переключил всё своё внимание на Галю.

Она стояла, раскрыв рот. Такой темперамент и такую страсть она увидела впервые. Прямо на моих глазах происходило превращение женщины из одного эмоционально-чувственного состояния в другое: из закомплексованной фригидной женщины она преобразовывалась в горящую желанием и страстью самую настоящую самку. Я чувствовал жар её тела, страсть и желание в ней вспыхнули и запылали с такой силой, с какой трещит и гудит мечущий огонь в раскалённой топке огромной печи. Я почувствовал это и задрожал всем телом, охватываясь той же самой страстью и тем же огромным желанием безумной любви. Я схватил Галю за широкие бёдра и со всей силы прижался к её круглым упругим ягодицам. Она не сопротивлялась, а только прерывисто задышала и закрыла глаза. Она наклонилась, обхватила руками косяк и прижалась к нему лбом. Я решительно и быстро задрал её платье и стянул розовые тонкие трусики. Она глубоко и тревожно вдохнула и, вдруг, прогнувшись в пояснице, замерла.

И я, воспользовавшись моментом и желанием, тут же жадно припал губами к её промежности между ягодицами. Всё произошло так быстро и страстно, и с таким натиском, что мы с Галей потеряли равновесие и завалились в спальню, упав прямо на кровать. Страсть бушевала на полную катушку. Комплексы и подобные им всякие ненужные неудобства

улетучились так же быстро и внезапно, как вытягивается и улетучивается при горении через дымовую трубу едкий дым. Я никогда не испытывал такого желания и такую мощную страсть, которые вызывала во мне Галя. Я так разволновался и меня так затрясло, что я застучал зубами. Меня охватил озноб, и я боялся отключиться и потерять сознание. Желание и страсть, которые разбудила во мне Галя, бушевали с такой силой и с таким неудержимым напором, что жена и Сергей, возившиеся в спальне, показались не реальными и отошедшими куда-то на задний план. Бог ты мой, сколько же во мне желания и страсти! Я даже не понял, как вошёл в Галю: вошёл быстро и неудержимо, легко и мягко. Мне в ней было очень комфортно, тепло и уютно. Она, влажная и сладкая, лежала на спине, а стройные длинные ноги, разведённые в стороны и согнутые в коленях, упирались мне в грудь и покоились на плечах. Я, опираясь на руках, осторожно двигал тазом и медленно входил во всю длину своего возбуждённого члена. О, боже, какое же у неё тесное и упругое влагилище! Я остро чувствовал её всем телом: её жар, её страсть, её желание. Мы были с ней на одной сладкой волне, соединённые в одно целое искренним обоюдным желанием и взаимной страстью. Мы не обращали внимания на присутствующих, их для нас в тот момент не существовало. Мы так искренне и нежно отдавались друг другу, и были в таком тесном контакте, что я почувствовал, как Галя напряглась и активной задвигала тазом. И тут же следом низом живота я по-

чувствовал приближение горячей мощной неудержимой лавины, которая надвигалась стремительно и быстро подобно неожиданному просыпанию и взрыву сладострастного вулкана с извержением всех признаков глубокого безумного оргазма...

«О, боже, как же мне хорошо! Галочка, ты же Богиня! Сколько же в тебе любви и страсти! Ты суперстрастная горячая женщина! Ты лучше всех!» – такие мысли, как в калейдоскопе, пронеслись в моей голове. Мы с Галей кончили одновременно, кончили страстно и сильно. Я от напряжения и такой страсти, просто, отключился, и Галя, впервые испытыв такой сильный оргазм, тоже притихла и замерла...

– Эй, что с вами? – услышал я откуда-то издали чей-то голос, меня трясли за плечи. Я открыл глаза. Надо мной склонились моя жена и Сергей. Я улыбнулся и, счастливый, часто заморгал глазами. Галя тоже улыбалась. И все заулыбались. Все были довольные и счастливые. Сергей был рад, что жена, наконец, испытала настоящий оргазм.

Скоро мы все дружно сидели в зале за столом и пили шампанское, весело и непринуждённо переговаривались между собой и обсуждали со всеми подробностями планы следующих встреч.

ЛЮБОВНЫЙ РАВНОБЕДРЕННЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Анна Кирилловна жила в Узбекистане. Когда от инфаркта

умер муж, она вынуждена была покинуть насиженное долгими годами родное гнездо и переселиться жить к единственной дочери Марине.

Обменяв в Узбекистане трехкомнатную квартиру на машину, Анна Кирилловна подарила ее любимому зятю, и Александр был очень рад свалившемуся счастью, и он очень тепло принял моложавую тещу в семью.

Жена Марина, двадцатипятилетняя аморфная женщина, расплывшаяся после рождения второго ребенка, превратилась в вечно недовольную зануду, став копией покойного отца. Анна Кирилловна же – полная противоположность: несмотря на свой возраст, она, как молодая девушка, постоянно носилась по квартире, затевая то уборку, то приготовление вкусного блюда, и щедро баловала внуков и любимого зятя. Разделив обязанности хозяйки со своей дочерью, она стала незаменимым полноправным членом семьи.

Марина и Александр работали по разным вахтам. Когда ночь проводили дома вместе, из спальни доносился недовольный голос дочери – она очередной раз отказывала любвеобильному мужу. Утром, когда зять уходил на работу, Анна Кирилловна доброжелательно журила дочь, давая ей поучительные советы:

– Мариночка, разве так можно? Надо всегда ласкать мужа, как только он захочет. Так он и на сторону будет смотреть. А вдруг и приберет еще какая! Нет, так нельзя...

– Мама, что ты несешь? – измученная прошедшей ночью

приставаниями мужа, раздраженно говорила Марина. – Да пускай он займет любовницу! А семью он никогда не бросит. Он любит детей и очень ответственный. И что с ним будет? Да и не люблю я это... Как животные какие-то... И так уже двое детей есть! Куда еще?

Анна Кирилловна не соглашалась с дочерью. Сорокапятилетняя женщина еще горела неугасимой страстью. Она уже третий год жила без мужа. Иной раз, слыша возню в спальне, ее воспаленное воображение рисовало эротические сцены, а рука непроизвольно проникала под трусики и нащупывала твердеющий бугорок, тонкие пальчики раздвигали зудящую половую щель и мягко проникали вовнутрь. Она даже для этого случая держала под подушкой маленькое вафельное полотенце, чтобы после нахлынувших чувств вытереть влажную промежность.

Страсть с годами не унималась, а, живя с молодыми, усиливалась с новой силой. Природа как будто насмеялась над матерью и дочерью: живые глаза Анны Кирилловны буквально пылали страстью, когда молодое тело Марины дышало старческой медлительностью и равнодушием к жизни.

Александр, оставаясь наедине с тещей, испытывал томительное волнение и всякий раз, наблюдая за этой энергичной снующей по квартире женщиной, ловил себя на гадкой мысли, что она его волнует именно как женщина. И эта бесстыдная мысль мучила его и заставляла страдать от собственной борьбы с самим собой.

Однажды младший сын простыл, и Марина вынуждена была лечь с ним в больницу, где, опасаясь серьезного заболевания легких, собирались малыша тщательно обследовать.

Все произошло неожиданно и самим собой.

Александр сидел в зале и смотрел телевизор, когда неожиданно зашла свежая пылающая страстью теща. Она, облаченная в короткую ночную рубашку и с распущенными волосами, излучала любовь. Теща кокетливо передернула оголенными плечиками и игриво сказала:

– Ну что, зятек, будем ложиться спать, а то тебе завтра рано вставать на работу? Внучка уже уложила, спит без задних ног, умаялся, маленький, за день...

А у него возьми и сорвись с языка:

– А что? Пойдем... Раз жены нет, то, может быть, с тещей...

Сказал так и тут же похолодел от страха.

– Да уж, думаю, сгложусь на что-нибудь!.. – неожиданно поддержала Анна Кирилловна.

То, что вытворяла в постели теща, Александр никак не ожидал. Эта истосковавшаяся по мужской ласке женщина доводила до того, что он, кончая, заводился снова и снова, неистово набрасываясь на её сексуальное тело. Страсть усиливала та же когда-то постыдная мысль: он любит не просто чужую женщину, а мать своей жены, тещу.

Анна Кирилловна, испытывая сильный оргазм, страстно прижималась к зятю и скрипела стиснутыми зубами. Потом,

когда впадала уже в безумие, тихо постанывала и, томясь в сладострастии, изгибалась всем телом.

Александр как будто сорвался с цепи: его взбешенный член, изливаясь соком, не спадал, и он, отдышавшись, сразу же набрасывался опять. Анна Кирилловна с радостью уступала, раздвигая дрожащие ноги, и умиленно похлопывала его по жарким подвижным ягодицам.

– Бедненький ты мой!.. Как тебя жена измучила!.. Вот мы ей!.. А-а-а-а-а!.. О-о-о-о-о!.. – сладко стонала она...

Теперь регулярно, когда жена работала в ночную смену, Александр спал с тещей.

Знала жена или нет, или догадывалась, но только в семье установилось полное согласие. Иногда Марина по привычке чувствовала, что ей чего-то не хватает, и Александр залезал на жену, исполняя свой супружеский долг, и Марина успокаивалась на целый месяц, а то и больше.

Зато с тещей была полная гармония. Он за короткий срок полностью определил свои сексуальные возможности и узнал столько сладостных поз, что ночь, проведенная с милой желанной тещей, была похожа на чудесную волшебную сказку, которую Сашенька так сильно любил в далеком счастливом детстве...

НЕОЖИДАННАЯ СТРАСТЬ

Меня впечатлил откровенный рассказ сослуживца, с которым мне пришлось побывать в командировке в далёкой Бу-

рятия. Целыми днями мы проводили обследования на крупном энергетическом предприятии, где произошла крупная серьёзная авария. К счастью, по чистой случайности, в это время были праздничные выходные, всё обошлось без человеческих жертв.

Вечерами после работы, чтобы занять время, мы играли в шахматы или просто разговаривали не о чём, стараясь чем-то заинтересовать друг друга. Как-то заговорили о женщинах и затронули тему о теще. Мой приятель заметно напрягся, и я почувствовал в нём некую борьбу. Тема о теще его почему-то взбудоражила, и он, наконец, доверяя мне, раскрыл непростые отношения со своей тещей. Вот его рассказ. Постараюсь изложить его со всеми подробностями от его имени.

Я только что закончил институт и возвращался домой, и в поезде познакомился с молодой студенткой, которая перешла на второй курс и тоже ехала в моём купе с каникул в мой же родной город, где и жила, и училась. Ну, ехали и ехали, мало кто с кем едет, познакомились, дружески пообщались о том о сём, она рассказала о своей студенческой жизни, о своей учёбе, я немного о себе. Словом, расстались без всяких намёков и предложений, как хорошие попутчики. Я даже помог ей донести вещи до машины, на которой встречала её мама. Тогда на неё, тем более на её маму я даже не обратил внимания. Женщина как женщина, средних лет, приятной внешности.

Приехав домой, я оказался в полной изоляции. Все мои приятели и друзья разъехались кто куда, знакомые девушки вышли замуж и успели родить. Меня обуяла тоска. Я вспомнил о своей новой знакомой. Нашёл её в институте, пару раз встретились, и как-то вечером, провожая её, я, как бы шутя, ляпнул, а не пошла бы ты за меня замуж... Вот так неожиданно я и попался, сам себя и женил, видно, оказался довольно длинный у меня язык, или, может быть, начался «сперма токсикоз».

Она была единственная дочка. Жили в трёхкомнатной квартире. Поэтому после свадьбы поселились у них. Ты даже представить себе не можешь, как мне было сложно начинать семейную жизнь. Признаюсь, честно, у меня никогда не было женщины. Была один раз случайная связь с какой-то старшекурсницей и то, когда мы отмечали удачную сдачу очередной сессии и я немного перебрал. Меня, буквально, затащили на себя, и я кончил без всякого желания и удовольствия, так ничего и не поняв. Зато та девушка-женщина была горда, что из меня сделала мужчину. Вот и весь сексуальный опыт был на то время у меня. Да и, вдобавок ко всему, моя молодая восемнадцатилетняя жена чувствовала себя напряженно и всего боялась. Словом, пара была что надо, достойная друг друга.

У нас в первую брачную ночь вообще ничего не получилось. Я возбужденным членом тыкал ей куда-то в низ живота, пока не кончил, перевозбудившись. И так у нас продол-

жалось почти неделю. Жена рассказала тёще, что у нас ничего не получается. Тёща стала переживать за нас. Она в беседе с дочерью успокаивала её и учила, что бы та не боялась и расслабилась, а на меня смотрела сочувственно и с пониманием. Я себя чувствовал как-то не ловко, даже несколько виноватым. Потом как-то тесть лёг на обследование в больницу, у него что-то было с сердцем, и мы остались втроём. Вечером тёща на ужин достала бутылочку хорошего вина, и мы её распили. Было легко и приятно. Мы сидели весело и непринуждённо. Потом перешли в зал и сели на диван смотреть телевизор. Там шёл какой-то концерт с участием известных артистов. Я обнял жену, и мы стали целоваться. Сначала робко, потом поувереннее. Тёща смотрела на нас и улыбалась. Я какое-то время стеснялся, а потом осмелел. Уже залез рукой жене под блузку и ласкал ей грудь.

Я тогда не знал, что тёща обещала жене помочь стать женщиной. Правда, я не представлял, как она хотела это сделать. Только получилось так, что диван раздвинули, и мы с женой оказались в одних трусиках. Я, возбуждённый, целовал жене груди и привычно тыкал возбуждённым членом ей в бедро. Тёщу я уже, просто, не замечал, она ушла куда-то на второй план. Я только почувствовал, как кто-то уверенной рукой взял мой член и стал водить по горячему чреву. Я видел возбуждённую жену, её горящие страстью и желанием глаза. И я слышал откуда-то издали приглушённый голос тёщи. . . "Доченька, расслабься, это же не больно, тебе будет прият-

но... расслабься, моя хорошая... вот так... умничка... вот ты и потекла, влажная стала... Давай, зятёк, ложись на жену... вот так, не спеши, зятёк, осторожно..." И я почувствовал, как мой член стал погружаться в тесное горячее нутро, и я чувствовал, как он упёрся во что-то упругое и не податливое... Но я был спокоен и не думал об этом... "Вот так, зятёк, вот так, молодец, – доносилось до меня, – Вот так...", – сказала она ещё раз и надавила на мои ягодицы. Жена ойкнула и дёрнулась, а мой член полностью погрузился во внутрь. Вот таким образом мы вместе с тёщей лишили девственности жену. Я был ей очень благодарен, её такту и выдержке...

Позже ещё раз произошёл один случай. Жена уже была на сносях, и её положили в роддом. В это время тесть опять лежал в больнице с обострением сердца. Я пришёл с ночной смены и лёг спать. И я уже уснул, когда на меня вдруг запрыгнула тёща и стало энергично прыгать.

– Сын у тебя родился, сын! – радостно верещала она, сидя на мне и неистово скача.

Я спросонку ничего не соображал, а, находясь месяц без секса, обхватил тёщу за ягодицы и со всей силы прижал к себе. Халат сбился, и я увидел, что она без трусиков. И я, ничего не понимая, быстро вошёл в неё. Мне было так сладко и уютно, что я кончил, стоная как раненный зверь, буквально, через несколько секунд... Я отпустил тёщу только тогда, когда полностью расслабился, и та в тот же миг умчалась из спальни...

Потом уже, когда я пришёл в себя, я сильно переживал и не знал, как себя вести дальше. Мне повезло с тётцей, она всё поняла, и мы с ней договорились, что это всё останется между нами, и мы будем хорошими друзьями. Мы до сих пор уважаем друг друга и между нами хорошие доверительные отношения, а о произошедшем больше никогда не вспоминали...

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА

Светка, моя институтская подруга, поехала на выходные на дачу. Когда выходила из электрички, неудачно прыгнула на землю и подвернула левую ногу. Я только что пообедала, как она звонит мне и говорит:

– Анька, выручай, нога так опухла, что спасу нет, а у тебя есть машина, – словом, вези, а то не могу даже шевелить ногой!

Хорошо машина под окном и дача почти в черте города! Я сразу же за руль и через час у Светки. А Светка, задрав левую ногу выше головы, лежит на лавке вся зеленая и жалобно стонет.

– О-о, моя спасительница, – радостно запищала она, – я не могу уже, нога так ноет, так ноет, что внутри все выворачивается.

Дотащила я ее кое-как до машины, стянула опухшую ногу каким-то платком, чтобы как-то снять боль, и лишь потом потихоньку тронулась до больницы.

Молодой хирург принял сразу, только направил сделать рентген левой стопы, а то не понятно: вывих тут или перелом.

– Доктор, как перелом, – испугалась Светка, мне же через месяц в Москву надо уезжать.

– Да ничего страшного, за месяц все заживет, – успокоил хирург, – только вот посмотрим, что рентген покажет.

Рентген показал трещину какой-то косточки. Светка, конечно, расстроилась.

– Да, не переживай, сказала я ей, доктор же заверил, что через месяц все затянется. Ну, а пока на костылях попрыгаешь (мы костыли тут же в больнице на прокат взяли), заодно и похудеешь, я даже тебе завидую, – схитрила я.

– Ну, уж, спасибо, подруга, успокоила, – чуть не плача, сказала Светка.

Я поняла, что переиграла, и, чтобы как-то сменить тему, предлагаю ей:

– Светка, поехали лучше ко мне в гости, у меня такое прекрасное вино есть, немножко расслабимся.

Светка охотно согласилась.

Я живу на восьмом этаже, и лифт как всегда не работает. Постояли мы со Светкой на первом этаже, подавили-подавили кнопку вызова, немного повозмущались, поохали, а делать то нечего, все-таки приехали, подыматься нужно, да и вино прокиснет.

– Ладно, – решила Светка, – ты меня сзади придержи-

вай, а я на палках поскачу.

Сказала она и прыгнула вперед, а я даже сообразить не успела. Светка спотыкнулась и со всего роста грохнула на ступеньки. Боже мой, я так испугалась и чуть не оглохла от грохота. Светка лежала на ступеньках и молчала. Я тоже окаменела и не знала что делать.

Светка, наконец, зашевелилась и заойкала. Ее левая кисть, неестественно подвернутая под туловище при падении, повисла плетью. Я помогла ей встать.

– Мамочка, что с этим пальцем? – испугалась Светка, глядя на кисть левой руки.

– Наверное, ушибла, – смутно высказала я догадку.

– Вот, как с утра не повезет, так весь день насмарку, – печалилась Светка, – а черт с ним, видно ушибла, – продолжила она, – на, неси палки, а я так, на одной ноге поскачу, буду руками за перила держаться.

Наконец, мы добрались до восьмого этажа. Светка, едва переводя дыхание, устало ввалилась в квартиру.

– Пить хочу, аж в горле все пересохло, где там твое хваленое вино, – сразу выпалила она.

Я засуетилась, достала конфеты, фрукты, разлила по бокалам красное вино.

– Как всё-таки хорошо, – сказала Светка, попробовав охлажденное вино.

– Хорошо, – согласилась я, – вот, если бы только не нога... Слушай, а что у тебя со средним пальцем, – вдруг встрево-

жила я, – какой он у тебя стал большой и синий, прямо как слива.

– О-о, да-а, – испугалась Светка, – что это с ним?

– Слушай, Светка, тебе, по-моему, опять надо в больницу, – нерешительно сказала я.

– Да... надо, – согласилась Светка, – он у меня так пульсирует, как будто здесь сидит второе сердце.

Спускаться было гораздо легче. Мы со Светкой привычно доехали до больницы, и нас там как родных встретил знакомый хирург.

– Что, плохо наложили гипс? – спросил доктор.

– Да нет, – сказала Светка, – вот, что-то с пальцем...

Светка показала доктору средний палец. Хирург округлил глаза и сразу выписал направление на рентген.

– Да-а, – сокрушенно закачал головой доктор, внимательно рассматривая снимок, – у вас трещина проксимальной фаланги среднего пальца левой руки. Как это вы умудрились.

Светка рассказывала, а доктор смотрел, то на загипсованную левую ногу, то на средний палец левой руки, который напоминал темненький баклажанчик, только что взошедший на грядке Светкиной дачи. Доктор слушал и незаметно хмыкал. – Будем гипсовать левую кисть, – наконец, сказал он.

– Но, доктор, как я буду ходить на костылях? – взмолилась Светка.

– А, да, – задумался хирург, – тогда только палец.

– Вы уж, пожалуйста, больше ничего не ломайте, – гово-

рил он потом, провожая нас до двери, – умеете держать равновесие на костылях.

– Фу, наконец, – сказала Светка, с трудом забираясь в машину.

– Ну, что, опять ко мне, допивать вино, – пошутила я.

– Конечно, – не поняла юмора Светка, – Что я, зря, что ли, палец сломала.

– Слушай, Светка, – вдруг озарила меня идея, – я сейчас соседа Вована попрошу, он страшный качек, у него мышцы, как у Шварценеггера, он тебя за шесть секунд занесет на восьмой этаж.

– Уа, – обрадовалась Светка, – я так люблю, когда меня здоровые мужики на руках носят.

Сказано-сделано. Как только мы приехали к дому, я сразу к соседу. Вована долго уговаривать не пришлось, оказывается он тоже любит носить на руках симпатичных девушек.

Когда Светка его увидела, то радостно затрепетала, забыв о ноге, о пальце и о костылях.

– Вот наш спаситель, – гордо сказала я, познакомив Вована со Светкой.

Вован, живая легенда, легко поднял Светку на руки и понес ее в подъезд. Я немного замешкалась, паркуя машину и неся костыли. А когда вошла в подъезд и поднялась на четвертый этаж, увидела лежащего на спине Вована, а на нем испуганную Светку.

– Что с вами? – вырвалось у меня.

– Я, вроде, ничего, – чуть слышно выдавила Светка, – вот только локоть немножко ушибла при падении, на этот раз точно не сломала, просто немножко ударила...

– Вован, Вован, а ты как? – беспокоилась я.

– О-о! – застонал Вован, – я задницей проехал по ступенькам, черт, поспешил и оступися, о-о-о, моя задница...

Хирург уже открыто смеялся, когда я привезла Вована и Светку в больницу.

– Перелом копчика, – констатировал доктор, рассматривая снимок Вована. Светке же повезло, она действительно отделалась только ушибом.

– Доктор, почему так? – искренне возмущалась я. – Как кто-то со мной свяжется, так чего-нибудь ломает? Я какая-то травматическая женщина!..

– Пожалуй, драматическая, – добавил доктор.

А вино мы всё-таки попили. Правда, уже на свадьбе у Светки и Вована. Вот такая получилась у нас трагикомедия.

РАЗДОЛБАЙ

Я учился в институте по специальности «тепловые электрические станции». После четвертого курса проходил практику в небольшом провинциальном городке на ТЭЦ. Ничего необычного. Мало ли таких практикантов по всей стране. Вот и меня направили в турбинный цех. Так как такого лоботряса, как я, девать было некуда, меня пристроили работать дежурным слесарем по вахте к строгому серьезному на-

чальнику смены Виктору Михайловичу. Этот большой боро-
датый мужчина, пятидесятилетнего возраста, был толстый и
лысый, массой в 130 килограмм. Эти внушительные разме-
ры вселяли страх и уважение. Работа была не пыльная. В мои
обязанности входили ежечасные обходы насосного оборудо-
вания в турбинном отделении. Я наблюдал за работой насо-
сов, следил за температурой в подшипниках и за их смазкой.
Должен вовремя обнаруживать и устранять течи в сальни-
ках, в задвижках, в арматуре и трубопроводах. Что нельзя
было устранить без останова и вывода в ремонт, записывал в
журнал дефектов и докладывал начальнику. Словом, работа
была не сложная, и я быстро освоился.

В перерывах между обходами я быстро изучил оборудова-
ние и перечитал все инструкции. Было уже скучновато, и я,
чтобы ночью не клонило ко сну, крошил кирпичи, располо-
женные кучкой после разбора какой-то стенки, – оттачивал
тем самым мастерство удара ногой.

Однажды я так увлекся, что остановился только тогда, ко-
гда услышал свист, раздавшийся откуда-то сверху. Я остано-
вился и поднял глаза. Наверху на десятой отметке, где разме-
щался щит управления, стоял Виктор Михайлович. Он долго
наблюдал за мной, пока не выдержал. Наши взгляды встре-
тились, и он покрутил пальцем у своего виска.

«О, блин, – подумал я, – попался!» Но меня этот жест за-
дел за живое.

Я поднялся на отметку и зашел на щит управления.

– Ну, ты и раздолбай! – без всякого зла, сказал Виктор Михайлович. – Я в твои годы, когда учился, облазил всё оборудование, даже, когда зашел спор, залез на дымовую трубу, чтобы уточнить – качается она или нет, – гордо добавил он и с усмешкой посмотрел на меня.

– Ну и как? – заинтересовано спросил я.

– Вот так! – не поняв вопроса, сказал важный Виктор Михайлович. – а ты баклуши бьешь, нет, чтобы с пользой время использовать. Учиться нужно! Нужно всем интересоваться! В твоей работе в будущем всё пригодится, знания никому ещё не помешали, – закончил начальник свою речь показательным менторским тоном.

Электрик и киповец, сидящие рядом, слушали и согласно кивали. Мне стало стыдно, и я вышел наружу в турбинный цех. Через полчаса пришел назад. Я радостный и довольный ввалился на щит управления и с гордой уверенностью всенародно доложил:

– А ни хрена она не качается! – Мой неожиданный громкий голос заставил всех вздрогнуть.

– Кто не качается? – не понял Виктор Михайлович и в его глазах застыл вопрос.

– Труба..., – уточнил я и окинул всех сидящих невинным взглядом.

– Какая труба? – опять не понял начальник, и все захихикали.

Наконец, до начальника дошло. Он внимательно посмот-

рел на меня, пытаюсь понять, шучу я или говорю правду. Но я не моргнул и не отвёл взгляда.

– Да, врешь ты! Как ты туда мог залезть, если лестница от земли на восемь метров обрезана, чтобы по ней никто из посторонних не карабкался! – убедительно сказал начальник. – Мало, что ты раздолбай, так ты ещё и болтун! – вынес вердикт начальник.

Все засмеялись и посмотрели на меня, соглашаясь с мнением начальника. Меня зацепило.

– Ладно! – сказал я. – Ставлю ящик водки, если не залезу на трубу туда и обратно. – и, чтобы быть убедительней, добавил. – И при этом, если на всё потрачу более 15 минут!

Мужики вытаращили глаза, перестали смеяться и с любопытством уже смотрели на Виктора Михайловича.

– А чё, Михалыч, соглашайся! – вдруг сказал электрик, облизывая сухие губы. – Глядишь, после вахты, выпьем за здоровье студента!

– Или за упокой! – ехидно добавил киповец.

Виктор Михайлович молчал и ходил желваками, усиленно думая о своем. Потом молча вышел и куда-то заспешил.

– Куда это он ломанулся? – не понял я.

– Пошел изучать обстановку на месте... Подождём, что скажет, – заметил электрик.

Начальник пришел минут через двадцать. Все в ожидании смотрели и молчали. Виктор Михайлович протиснулся к своему столу и уткнулся в оперативный журнал. На щите

управления зависла тишина.

Не говоря ни слова, я вышел и спустился на нулевую отметку. Сделав обход, я подошел к куче кирпичей. Там постоял, подумал и вдруг понял, что мне нужно изучать оборудование, ведь знания ещё никому не помешали.

ПРОХИНДЕЙ

Откровенный рассказ о непростых девяностых годах, когда страна деградировала, погружаясь в разврат, воровство и мошенничество... Написано очень откровенно, автор не рекомендует читать людям моложе 18 и тем более, кто имеет высокое морально-нравственное воспитание...

1

Дымовая труба котельной, расположенной на территории конфетной фабрики, ошалело выплёвывала из себя черные клубы дыма. Кочегар ночной смены, проспав, упустил режим работы котла и теперь под утро, сдавая смену, бегал как сумасшедший.

Конфетчицы в белых халатах суетливо расходились по своим рабочим местам, и фабрика оживала. Начинался привычный сладкий процесс. Мощные механизмы, урча и вибрируя, набирали обороты, и конфеты, обливаемые шоколадом, поплыли по конвейеру.

Сразу же с утра в отдел снабжения посыпались заявки на сырье. Срочно нуждались в сахаре шоколадный и конфетный цехи, вторая смена полностью сработала вчерашнюю за-

явку.

Кладовщица Шура, то и дело поправляя спадающие очки, торопливо открыла навесные замки, и грузчики ОМТС, скрипя сапогами, проворно забежали по складу, ловко забрасывая мешки с сахаром в машину.

Виталий Дмитриевич Бартюк, начальник отдела снабжения, полный средних лет и среднего роста мужчина, пригласил к себе в кабинет бригадира грузчиков Виктора. Тот, улыбаясь, ввалился в кабинет и радостно поприветствовал начальника.

– Садись, садись, Виктор! – не отрываясь от бумаг, сказал Бартюк. – Подожди минутку, сейчас закончу.

Виктор, крепкий высокий парень, был, по сути, освобожденным грузчиком, в его распоряжении находились двенадцать человек, и это была довольно разношерстная публика.

– Две секции с сахаром пришли, – наконец, сказал Бартюк. – Возьми надежных ребят и займись лично разгрузкой.

– Дмитрич, на дальний склад надо везти, там у Людмилы сахар кончается... крупная недостача...

– Сколько? – нахмурился Бартюк.

– У нее под низом вместо сахара оказался крахмал, – неопределенно сказал Виктор.

– Черт! – выругался Бартюк. – Уволю нахрен, совсем заворовалась!

– Людмила говорит, что так было, ведь она там и года не работает.

– Ладно, – смирился Бартюк и, перейдя на полусшепот, добавил. – Сто мешков опять ко мне сбросите, понял? Только без лишних разговоров...

– Тогда Людмиле два вагона отвезем, а на фабрику остальное?!

– Хорошо...

2

На станцию на секции с сахаром Виктор послал четверых грузчиков, четверых оставил на фабрике и четверых решил отправить на дальний склад к Людмиле. Все свободные машины бросили на разгрузку этих восьми вагонов, и, чтобы не было простоя, кинули еще на помощь два КамАЗа-длинномера и два ЗИЛа, арендованные у Трансагентства.

Вскрыв сразу два вагона, грузчики лихо закидали мешки с сахаром в эти арендованные машины, и Виктор с этими же машинами уехал на дальний склад.

Людмила, волнуясь, уже ждала.

– Наконец-то! – радостно встретила она.

– Как обещал, сразу к тебе, – сказал Виктор, выпрыгивая из кабины КамАЗа.

– Витенька, молодчина! – радовалась Людмила. – Я то в долгу не останусь.

– Я уж думаю! – хитро улыбаясь, подхватил Виктор и, обращаясь к грузчикам, скомандовал. – Давайте, мужики, ставьте машины вон к тому складу, устанавливайте трапы и вперед с песней... А я пока с Людмилой бумаги оформлю...

– Витенька, что, что Бартюк сказал? – нетерпеливо спросила Людмила, когда они, войдя в комнату для кладовщиков, плотно прикрыли за собой дверь.

– Людок, все путем! – игриво сказал Виктор и обнял ее за талию. – Ух, мать, какая же ты все-таки аппетитная!

– Витька, я же серьезно спрашиваю, я уж какой день спать спокойно не могу.

– Так и я серьезно. У тебя разгрузим два вагона, так-то можешь не волноваться. Бартюк спрашивал, сколько недостача, но я ушел от вопроса.

– Умничка, Витенька! С меня причитается...

– Само собой... Мы сегодня долго провозимся, аж восемь вагонов!

– Так может мне еще один вагон кинем?

– А войдет?

– Найдем куда! Зато надежно будет.

– Тогда мне кусок!..

– Сколько?! Ты что, Витя, откуда у одинокой женщины столько денег? Мне еще дочь поднять надо.

– Ничего, найдешь! Ты вон какая!..

Он обхватил ее за крутые ягодицы и с силой прижал к себе.

– Да, Витька, перестань! Еще увидит кто-нибудь, – слабо вырывалась она. – Потом, как разгрузим...

Грузчики бегали по трапу и аккуратно складировали мешки в ряды.

Василий, красивый коренастый парень, улыбаясь, легко цеплял руками мешок и соревновался в быстроте с Сергеем.

Сергей, только что отслуживший и полный энергии, наступал ему на пятки.

– Ну, ты, слон! – спотыкаясь, беззлобно ругался Василий. – Бери по два мешка, раз такой шустрый.

Остальные два грузчика, Вадим и Анатолий, таскали мешки не спеша, дружелюбно подсмеиваясь и подзадоривая увлеченных товарищей.

Скоро появился Виктор.

– Молодцы! – довольно сказал он. – Работа кипит!.. Я дал команду Людмиле, она приготовит шикарный обед, и будет... водочка...

– О-о, ништяк! – сразу ожил Вадим и бросился наперегонки за Сергеем, Анатолий же только крякнул, хотя тоже заметно оживился...

3

Уже сошло семь потов, когда грузчики, шатаясь от усталости, разгрузили последнюю машину. И Людмила постаралась на славу. Она в огромной кастрюле натушила картошки с курицей, достала запасы солений: огурцы, помидоры, капусту, грибы, – нарезала большой шмоток сала и гору хлеба. Виктор разлил по стаканам водку. Грузчики, обмывшись холодной водой и весело переговариваясь, проходили к накрытому столу и занимали места.

– Мальчики, подавайте тарелки, я вам буду накладывать

картошку с курицей, – командовала Людмила, орудуя половником.

– Давайте, мужики, разбирайте стаканы, – говорил Виктор, наливая себе кока-колы, сам он не пил. – Хорошо сегодня мы сработали, я думал, если честно, что провозимся до утра, а сейчас, – он посмотрел на часы, – всего лишь... и двух нет!

– Молодцы, да еще какие! – подхватила Людмила, беря свой стакан. – Давайте, мальчики, выпьем за вас, за ваше богатырское здоровье, чтобы вас всегда любили девочки! Да и вы их не забываете! – и она, поглядывая на Виктора, хитро заулыбалась, обнажая беленькие зубки.

– Давайте, давайте, мужики! – подмигнув ей, поддержал Виктор. – Сейчас можно, хорошо сработали, профсоюз оплачивает, – и он тоже заулыбался, забежав маленькими блестящими глазками.

Зазвенели стаканы, и мужики крякнули. Захрустели огурцы, застучали ложки и дружно заработали челюсти. Людмила только успевала подкладывать картошку, а Виктор подливать водку. Зазвенели вдогонку еще раз стаканы, потом еще и еще.

Сергей, налив себе в стакан водки, подсел к Виктору и обнял его за плечи.

– Витек, – сказал он заплетающим языком, – я вот наблюдаю за тобой, а ты же не пьешь, мы то все того... пьяные...

– Почему? Я тоже пью, – рассмеялся Виктор. – Людмила,

а ну-ка плескани мне еще водочки, я выпью с Серегой, – и он подмигнул ей.

– Витек, ты мне нравишься, – говорил пьяный Сергей, – ты умеешь жить, а я пришел с армии, и у меня ничего, кроме вот этих штанов и рубашки, нет. Витек, научи меня, пожалуйста, жить. Ей-богу, надоела эта нищета!

– Ладно, Серега, ты шибко не переживай, – успокаивал Виктор, – а держись поближе ко мне и делай так, как я говорю. Все у тебя впереди, ты мужик способный, хваткий, а это в жизни самое главное.

– Нет, Витек, – не успокаивался Сергей, – мне сейчас всё надо, пока молодой, что ждать.

– Ладно, ладно... Пей ещё!.. Все будет, раз хочешь!..

Сергей выпил и расплылся по столу, сгребая под себя грязные тарелки. Людмила, подхватив его, помогла встать, она заботливо отвела его в другую комнату и уложила на диван. Виктор пересел поближе к Василию, тот, подперев голову руками, смотрел в одну точку и сверлил дырку.

– Василий! – громко позвал Виктор и засмеялся. – Василий, ку-ку!

Василий встрепенулся и нехотя перевел свой мутный взгляд на Виктора.

– Василий, ты меня слышишь? – спросил Виктор.

– Угу.

– Ты что погрустнел?

– Таньку то того... директор трахает...

– И водитель директора, – вставил Виктор.

– Да ты че!.. Вот козёл!..

– Василий, да ты не переживай, директор просто обязан трахать свою секретаршу, на то он и директор.

– Да от него уже могилой пахнет!..

– Ничего, он еще может.

– Нет, я ей не прощу... стерва... а говорила, любит...

Василий налил водки и выпил, потом, выпучив глаза, икнул и уронил голову на стол. Его тоже перетащили на диван к Сергею. Вадим и Анатолий, шатаясь и держась друг за друга, ушли в сторожку и улеглись прямо на деревянные скамейки. Людмила принялась собирать со стола грязную посуду, сбрасывая остатки пищи в бадью для свиней.

– Ну вот, все сыты и довольны, – усмехнувшись, сказал Виктор, он подошел к Людмиле и, обняв ее за широкие бедра, прижался к пышной заднице. – Поедем к тебе?!

– Да... посуду домою...

4

Виктор воспитывался в детдоме. Мать бросила его в возрасте восьми лет, сбежав в неизвестном направлении с молодым любовником. Наверное, уже в то время в детскую психику была заложена какая-то скрытая неприязнь ко всему женскому полу, да, пожалуй, ко всем людям без исключения.

Довоспитывался он уже в тюрьме, получив три года за угон автомобиля у частного лица. Там то он и познал первые азы в экономике и психологии человеческих отношений, по-

знакомившись с бывшим руководителем солидной фирмы, посаженным за экономические преступления и мошенничество.

Освободившись, Виктор сразу же надел маску добропорядочного интеллигентного гражданина. Через приобретенные связи он сделал себе диплом института народного хозяйства, став специалистом материально-технического снабжения. Годы заключения ему каким-то образом удалось скрыть. Однако семейная жизнь дала трещину. Жена, застав его в постели с собственной подругой, выставила чемодан с вещами за дверь, без отца остался годовалый сын.

Виктор, проболтавшись, наконец, устроился грузчиком на конфетную фабрику в отдел снабжения, понравившись директору своей уверенностью и деловитостью. Буквально через месяц его поставили бригадиром, и он произвел полную чистку среди грузчиков, освободившись от пьяниц, бестолковых воров и прогульщиков. Оставлял только тех, кто рьяно работал и безукоризненно повиновался всем его требованиям. Дисциплина в бригаде наладилась, и все начальники были довольны, и впервые за всю историю конфетной фабрики грузчики отдела снабжения заслужили уважение, получая каждый раз при подведении итогов почетные грамоты.

Виктор первое время жил у подружки жены, но скоро и она его, застав в постели с младшей сестрой, выгнала. Тогда он перебрался в частный дом к своему приятелю-грузчику Анатолию, и тот, одинокий, с радостью предоставил одну из ком-

нат своему бригадиру. После трудового дня грузчики всей гурьбой собирались у него дома, и Виктор, запрещая пить на работе, теперь поил и кормил их столько, сколько они хотели, постепенно приручая их и превращая в послушную рабочую силу. От индивидуумов же Виктор освобождался под любым предлогом, пастух должен иметь послушное стадо.

Скоро Виктор начал делать деньги, сбывая сахар подпольному предприятию. С кладовщицей Шурой он легко нашел общий язык. Как-то, разгрузив пришедшие вагоны с сахаром, они остались вдвоем на складе и, ползая на четвереньках под самой крышей, пересчитывали уложенные в ряды мешки. Виктор, насмотревшись на ее оттопыренную задницу, наконец, не выдержал. Он завалил Шуру прямо на мешки, задрал ей юбку и грубо овладел. От мощных ударов очки спали на лоб и слетели куда-то за мешки, их потом Шура долго не могла найти. Но ей такой бурный натиск понравился, и она стала послушной и сговорчивой, трепетно ожидая каждый раз следующей экзекуции. И мешки с сахаром теперь при подсчетах всегда отходили, хотя их не хватало десятками.

Потом Виктор занялся Людмилой. На дальнем складе, кроме сахара, хранились орехи: арахис, фундук, миндаль, кешью. Людмила многие годы проработала в торговле, и она сразу почувствовала жесткую руку Виктора. Оставшись без сахара, она обнаружила крупную недостачу, и, покрутившись, она поняла, что без помощника все-таки не обойтись.

И Людмила обратилась за помощью к Виктору. И Виктор выручил. Правда, небескорыстно.

5

Людмила жила в хрущевке по улице Добролюбова. Уже светало, когда она и Виктор, поймав машину, приехали к ней на квартиру. Семнадцатилетняя дочь Вера, окончив школу, с подачи мамы устроилась на кондитерскую фабрику в розничный цех, и она, отработав во вторую смену, уже спала. Людмила плотно прикрыла дверь, ведущую в ее комнату, и провела Виктора на кухню.

– Ты с чем будешь пить чай? – тихо спросила она.

– Да ни с чем, просто так попью и все.

– Может с медом?

– Нет, спасибо, мне сладкого не хочется, мне тебя будет достаточно такой шоколадки, – тихо сказал Виктор и заулыбался.

– Проказник! – шутливо погрозила Людмила пальцем. – Ты пей, а я приготовлю постель и приму ванну.

– Спинку потереть?

– Можно, если не трудно...

У Людмилы были широченные бедра и очень крутые круглые ягодицы. Относительно этих телесных форм талия казалась непропорционально тонкой, а большие и на редкость упругие груди делали ее изящной и довольно привлекательной.

– Да ты, мать, настоящая Венера! – искренне сказал Вик-

тор, войдя в ванную комнату. – Такие женщины считались красавицами в эпоху Возрождения.

– Да уж не сравнить меня с худосочными моделями, – согласилась Людмила, намыливая мочалку и подавая ее Виктору.

– Подожди, я тоже разденусь, – сказал он.

Ванна была глубокая, и они себя в ней чувствовали свободно. Виктор работал мочалкой как настоящий банщик. Он ловко намыливал спину и всё тело, особенно задерживаясь мягкими приятными движениями на интимных местах.

Людмила разомлела. Виктор, наблюдая за ней, возбуждался. Он посадил ее к себе на бедра и, прижавшись к спине, принялся массировать тяжелые груди, играя набухшими сосками. Член, налившись кровью, ёрзал в ложбинке между пухлыми ягодицами, и она, чувствуя его, тяжело дышала.

Людмила встала. Виктор тоже встал, и она принялась его обмывать душем. Член пульсировал, кивая и маня глянцевой головкой. Виктор вдруг заметил, как чуть-чуть дернулась занавеска на кухне, закрывающая окно в ванной комнате. Это Вера, проснувшись, проявляла любопытство: с кем там мама плещется в ванной? Виктор чувствовал на себе горящие девичьи глаза, и его это сильно возбуждало. Он вылез из ванны и встал на деревянную решетку, повернувшись к Людмиле так, что сам оказался боком к окну. Людмила, подогнув колени, наклонилась туловищем к стенке и уперлась в нее руками. Размякшая горячая вульва находилась на уров-

не пояса Виктора. Он осторожно расправил пухлые влажные губки влагалища и мягко ввел торчащий член, и сразу же ощутил сладостную неудержимую волну, исходящую от низа живота и стремительно рвущуюся наружу. Очень хотелось кончить, но Виктор с усилием сдержал себя, сосредоточив все внимание на глубоком дыхании. Успокоившись, он медленно заработал тазом, переходя в ритмичные движения. Людмила, упиравшись руками о стенку, старательно помогала ему, подмахивая навстречу круглой задницей.

Звонкие шлепки, глухое хлюпанье, шум водопроводной воды, тяжелое дыхание и тихие стоны заполнили ванную комнату. Виктор, видя боковым зрением горящие возбужденные глаза Веры, пришел в экстаз. Схватившись руками за широкие бедра Людмилы, он остервенело бил по крутым ягодицам. Людмила обеспокоено оглядывалась назад, пытаясь сдержать страстного партнера. Наконец, Виктор застонал и, резко войдя, напрягся. Он заскрипел зубами и стиснул широкие бедра так, что Людмила закричала от боли:

– А-а-а, Витька, мне же больно!..

– О-о, мать, ну ты даешь! Давно я так не кончал, – устало выдал он и покосился на окно.

Предательски колыхнулась занавеска, и послышались шлепки босых ног.

6

Бригада уже ушла на склады выполнять заявку, когда в раздевалке появились опоздавшие грузчики Юрок и Ан-

дрей.

– Мужики, что за ерунда? – выразил недовольство Виктор.

– Да менты вчера повязали, только вот выпустили, – удрученно сказал Юрок.

– А что стряслось?

– Юрок виноват, как выпьет, так вспоминает рыбалку, – продолжил Андрей. – домахался руками...

– Не понял, причем здесь рыбалка? – удивился Виктор.

– Да мы вчера после работы хотели культурненько посидеть, выпить бутылочку, – говорил Андрей, – ну и сели за столик в каком-то садике...

– А это оказался детский сад, – вставил Юрок.

– Ну, выпили немного, разговорились, – продолжал Андрей. – Юрок как всегда увлекся рассказами о своей рыбалке, стал махать руками, показывая какой величины рыбу ловил, а я не верил, хватал за руки и уменьшал размеры...

– Да бабы виноваты! – вспыхнул Юрок. – Тупые как пробки! Видно, воспитательницы увидели в окно и подумали, что мы деремся, и вызвали милицию.

– И что, не могли объяснить? – возразил Виктор.

– Да мы пытались, – сказал Юрок, – так менты нас палками отдубасили, тот то, длинный, – он кивнул на Андрея, – успел убежать, а меня хорошо погрели.

Юрок распахнул рубашку и приспустил штаны, на спине и на ногах были красные полосы.

– Так меня же тоже взяли, – говорил Андрей.

– Взять то взяли, а отыгрались на мне.

– Додумались, где распивать, – сказал Виктор. – Ладно, идите мужикам помогать, нужно срочно сахар в цеха подавать.

Юрок и Андрей, переодевшись, угрюмо потащились на склады, там крикливым голосом уже всю команду командовала очкастая Шура.

Виктор проводил их взглядом и усмехнулся, потом, подумав, направился в розничный цех.

Вера в белом чистом халате сидела у большого бака и перекладывала из него конфеты в коробки.

– Привет, красавица! – сказал Виктор, подойдя к ней.

– Здравсьте! – сказала Вера, потупив глаза и томно улыбувшись.

– Ну, как, прошлый раз понравилось? – спросил Виктор.

– Что? – схитрив, спросила Вера.

– А что ты видела, когда в окно в ванной подглядывала?

Вера покрылась густым ярким румянцем, ее тонкие брови дернулись, и она расплылась в хитрой улыбке.

– Здорово тогда ты матушку обработал, – чуть смущаясь, наконец, вымолвила она. – Маменька, когда ты ушел, все выходные провалялась в постели.

Вера тихонько засмеялась и лукаво посмотрела на Виктора.

– Приходи сегодня ко мне домой, – мягко сказал он лас-

ковым голосом. – Я буду дома один, Анатолий уехал на три дня в деревню. У меня есть вкусный итальянский ликер. Настоящий!

– Я боюсь, – тихо прошептала Вера.

– А что бояться? Мы просто посидим, попробуем ликер, у меня есть интересная видеокассета, посмотрим кино. Придешь?

– Приду...

7

Сахар в шоколадном цехе принимала рослая статная Анжела. Она, выкатив свои большие зеленые глаза, жадно пожирала спящих грузчиков. Муж, работая проводником, уехал на поезде во Владивосток, и она вторую неделю томилась одна.

После разгрузки Вадим отвел Сергея в сторону и сказал:

– Анжела приглашает вечером к себе домой на маленькую пирушку, будет Лена из кондитерского цеха. Пойдем?

Друзья согласились.

Анжела жила в своем доме напротив фабрики, чуть выше железнодорожных линий на станции. Вадим и Сергей зашли в дом, когда стол был уже накрыт, и на плите Лена жаривала мясо.

– Проходите, мальчики, раздевайтесь! – обрадовалась Анжела.

– Прямо сразу раздеваться! – сострил Вадим.

Все засмеялись, и в доме с первой же минуты установи-

лась доброжелательная раскованная атмосфера. Неожиданно в дом пришла еще одна девушка, это оказалась соседка Анжелы, и ее звали тоже Леной.

– Что ей надо? – спросил Вадим у Анжелы, когда они вышли во двор, чтобы достать из погреба трехлитровую банку с самодельным вином.

– Видно, мужика хочет, – сказала неопределенно Анжела, – я же ее не выгоню, все же соседка, да и мужа знает.

Соседка легко влилась в компанию, она, ловко орудуя кухонным ножом, быстро почистила картошку. Лена, пожарив мясо, освободила сковородку, и за дело взялась хозяйственная соседка. Анжела, стоя за спиной, только улыбалась и пожимала плечами. Скоро запахло жареной картошкой.

Сергей и Вадим сидели на диване и слушали музыку. Анжела вскрыла банку и заполнила вином кувшин.

– Ну-кась, мальчики, – сказала она, ставя кувшин на стол. – Давайте разливайте, будем снимать пробу. Не знаю, какое вино получилось, но чего тут только нет: и яблоки, и черноплодка, и слива, и даже чистый спирт добавлен.

– Ух, ты, адская смесь! – сказал Вадим, разливая вино по бокалам. – А цвет приятный, какой-то светло-малиновый.

– А там и малина есть, – добавила Анжела. – Ты, Вадим, на вкус оцени!.. Ну, как?

– Классно!.. У-у, и крепкое!..

Появились и две Лены: одна несла в большой железной чашке жареную картошку, другая в тарелке жареное мясо.

– Ну вот, всё готово, друженько садимся за стол, – торжественно объявила Анжела, приставляя ещё один стул, – так, бокалы заполнены, теперь все друженько заполняют тарелки... вот так!.. Кто будет говорить тост?

– Наверное, хозяйка?! – неуверенно сказал Вадим.

– Ладно, скажу я, раз вы желаете!

Анжела подняла бокал, подняли и остальные. Чуть-чуть замешкался Вадим, ухаживая за соседкой Леной, другая Лена подкладывала картошку Сергею. Анжеле это явно не нравилось, она как бы оставалась без пары.

– Ладно, давайте просто выпьем и всё, – удрученно сказала Анжела. – Если хотите – за знакомство!..

Вино действительно было крепкое, в голове заметно помутнело. Анжела метала искры в сторону Вадима и соседки Лены. Вадим, обняв соседку за плечи, гладил волосы и целовал в губы. Сергей о чем-то ворковал с другой Леной. Наконец, Анжела не выдержала и встала.

– Вадим, пойдем, поможешь мне, – еле-еле сдерживая злость, сказала она, – надо кое-что сделать, одна я не справлюсь.

– Может, мне пойти? – спросила соседка.

– Нет-нет, здесь нужна мужская сила, – отрезала Анжела. Вадим и Анжела вышли во двор. На улице уже темнело.

– Ты что присосался к этой сучке? – сразу набросилась Анжела. – Хочешь от неё на конец намотать?! Ну-ка, иди сюда!

Она затащила его в сарай. Вадим, обескураженный бурным натиском, страстно прижал её к себе. Анжела, возбужденная до предела, присосалась к его губам.

– Трахни меня! – оторвавшись, приказала она и задрала платье...

Соседка, оставшись не у дел, обиделась и ушла домой. Сергей, опьянев, ласкал Лену, тиская груди и бедра и целуя в губы. Вернулись Вадим и Анжела. Анжела была уже в приподнятом настроении.

– Ба-а, а где же соседка? – воскликнула она. – Ушла домой?! Ну и, слава Богу! Я что-то проголодалась, – весело сказала она и села за стол.

8

В бригаде грузчиков наступил траурный день. На выходных, помогая свояку устанавливать телевизионную антенну, с крыши дома сорвался и разбился насмерть Андрей. На похоронах присутствовал только Юрок, остальные не знали. После работы всей бригадой собрались в доме у Анатолия с Виктором и помянули добрым словом погибшего.

Потом опять произошла нелепая смерть. Юрок, напившись до белой горячки, повесился в собственной квартире.

Пошла полоса неудач. Будто кто-то сглазил бригаду. Грузчики роптали и за глаза в адрес Виктора высказывали недовольство. Он, выбив дополнительные деньги на заработную плату, в день полочки отбирал их у грузчиков, а им это не нравилось. В бригаде начался разброд. Анатолий стал наме-

кать бригадиру, что пора освобождать занятую комнату, и Виктор решил предпринять меры.

Кладовщица Шура жила одна в своем доме, и Виктор как-то в разговоре с Анатолием намекнул, что освободит комнату, если тот возьмет к себе Шуру, а Виктор купил бы ее дом и перебрался бы жить туда. Виктор замечал, что Анатолий не равнодушен к Шуре, поэтому не зря завел об этом с ним разговор.

– Да я, в принципе, согласен, – неуверенно сказал Анатолий, – как вот она к этому отнесется.

– Я всё беру на себя, и она согласится, – заверил Виктор.

На другой день после этого разговора Виктор, встретив Шуру, предложил ей на выходные организовать баньку, которую она затопит специально для него, ну а с Виктора причитается все остальное.

Виктор собрал все свои свободные деньги, часть занял у Людмилы, и, как договаривались, приехал к Шуре.

Шура суетилась с раннего утра. Она протопила баню и, успев простирать замоченное с вечера белье, снова заполнила опустошенные баки водой.

– Вижу, вижу! – радостно воскликнул Виктор, заметив Шуру во дворе. – Дымок идет, значит, банька топится. Я прав, Шура, готово?

– Всегда готова, как тот пионер! – торжественно отсалютовала Шура и, поправив очки, расплылась в улыбке.

– Ну, раз готова, тогда пойдем в дом, тут у меня водочка

есть, заодно и поговорим.

Они зашли в дом, и Виктор сразу же вывалил все деньги на стол.

– Вот, Шура, эти деньги все твои, – твердо сказал он и пристально посмотрел на Шуру. – Это задаток, остальные я тебе отдам, когда оформим дом на меня у нотариуса.

– Нет, Витя, я пока не хочу продавать дом, – оторопела Шура.

– Но ты же сама говорила, что думаешь продавать, – давил Виктор.

– Я говорила, что надо бы...

– На, убери их, они твои, – не слушая, перебил Виктор. – Завтра едем к Анатолию, будем его сватать.

– Витька, да ты и вправду сошел с ума!

– Всё-всё, и не спорь со мной, он согласен, женится на тебе, и ты будешь жить у него. Потом и он продаст свой дом, и вы купите себе квартиру, и тебе не надо будет надрываться по хозяйству: таскать тяжелые ведра с водой, думать, где уголь достать.

– Да мне нетрудно это.

– Это сейчас, а с годами и не рада будешь, да и мужик он хороший, что медлить то? Надо брать его, пока согласен! Он тебя пропишет в своем доме, а там сами определитесь, что делать. Смотри, сколько здесь денег!

Виктор стал перебирать на глазах у Шуры пачки купюр, они, яркие и гладкие, соблазнительно мелькали перед глаза-

ми.

– Витька, ну я не знаю... Всё так неожиданно, – неуверенно сказала Шура.

– Всё будет нормально, – напирал Виктор. – Вон, смотри, у тебя скоро обвалится потолок, и стены перекошены... Дом то может и того... Шура, да ты не переживай, всё будет нормально! Давай лучше водочки выпьем... Значит, договорились: завтра идем к Анатолию, а послезавтра – к нотариусу. Шура, ещё водочки!.. Ты пей, пей, все будет нормально! Заживешь как богиня, еще будешь меня добрым словом вспоминать...

9

Переоформив дом на себя, Виктор пообещал Шуре выплатить остальную часть денег в течение месяца, Шура же должна была на этой неделе переехать к Анатолию, а на выходные молодожены пригласили всю бригаду на скромную свадьбу, которую решили провести прямо у себя в доме.

Все шло по плану, но Виктора начали беспокоить отношения с Верой. В последней встрече она ему неоднозначно намекнула, что, мол, доигрался...

Она ему досталась девочкой. Долго он с ней мучился, кончая то на живот, то на бедра. Она была напряжена до такой степени, что Виктор не мог порвать ей девственную плеву. Как только он не ласкал ее, она всё равно так и не смогла расслабиться, он уже хотел воспользоваться пальцем, но в последний момент применил хитрость. Поставив ее на чет-

вереньки и приготовившись, он сильно ущипнул ее за бедро и резким толчком проник вовнутрь. Вера дико закричала и от неожиданности, и от боли, только не понятно от какой, и повалилась на бок, потеряв сознание. Простыня пропиталась кровью, а на бедре позже появился огромный синяк. Но она быстро очухалась, и они провели нормальный половой акт, и Вера, закатив глаза и стоная, впервые испытала оргазм. Виктор почувствовал в ней затаенную сексуальность Людмилы.

Потом, когда Анатолий стал настаивать на освобождении комнаты, Виктора осенила мысль. Он уговорил Веру в его отсутствии попытаться соблазнить Анатолия, и он, Виктор, внезапно в нужный момент появится.

Виктор затаился рядом и терпеливо выжидал, и он воорвался лишь тогда, когда Анатолий, откровенно соблазненный, порвал Вере платье и стянул трусики. Вера очень испугалась и уже пожалела, что послушалась Виктора, как он с перекошенным лицом вдруг вырос в спальне. Схватив Анатолия за волосы, он стащил его с Веры и поволок в сенцы, а там, ударив кулаком по лицу, сбросил в погреб и закрыл крышку.

Анатолий просидел в погребе всю ночь, дрожа и плача от страха. Виктор бегал по комнатам и громко возмущался, обзывая его насильником несовершеннолетней и пугая статьей из уголовного кодекса. Вера, сжавшись, сидела на кровати и, ничего не соображая, поглядывала на разъяренного Виктора.

А утром Анатолий принял все условия.

10

Вадим часто пропадал у Анжелы, когда та оставалась одна, и они с большим удовольствием предавались прелюбодеянию. Любили Анжела это, и в процессе этого она, извиваясь и изливаясь соком, кричала и дергалась всем телом, а Вадим, как матадор, неистово придерживал её и боялся в этот момент потерять свое оружие.

Иногда Анжела занималась коммерцией, приторговывая вещами, привезенными мужем из Владивостока, и она сразу согласилась, когда Вадим предложил ей заняться сбытом шоколада.

Виктор, узнав об этом, как-то выследил его и шепнул несколько слов охраннику, стоявшему на воротах, и Вадима взяли с поличным, но ему, якобы при помощи Виктора, удалось избежать статьи, и его в этот же день уволили по собственному желанию. И Вадим был рад, что так легко отделался, он горячо и искренне отблагодарил Виктора.

Сергей же работал в паре с Леной из кондитерского цеха и был гораздо осторожней и смекалистей Вадима. Но своими независимыми самостоятельными действиями он невольно раздражал Виктора, и Виктор, наметив очередную жертву, терпеливо выжидал.

Скоро состоялась торжественная вечеринка, посвященная бракосочетанию Анатолия и Шуры. Все выглядело скромно. Если бы не молодожены, сидевшие истуканами в

центре стола, то эта церемония походила бы на обычную пирушку, которую устраивали грузчики после работы.

Виктор от имени Анатолия пригласил и Веру. Когда все изрядно опьянели, он уединился с ней в свою бывшую комнату, закрывшись изнутри. Вера была навеселе. Он, лаская, раздел ее и уложил в кровать. Она, возбужденная, звала его к себе, и Виктор, плеснув в стакан водки, присел к ней.

– На, моя хорошая, выпей, – как можно ласковей сказал он.

– Брр! – оттолкнула она стакан. – Не хочу больше... Витенька, иди ко мне...

– Сейчас, моя радость, ты только допей, чтобы полностью расслабиться, – он преподнес стакан к ее губам и насильно влил водку в рот. – Вот, молодец, умничка моя! Я сейчас приду к тебе, я быстренько... по нужде... и сразу к тебе...

Вера, совсем опьяневшая, распласталась и безумно горела желанием.

Виктор вышел из комнаты и вызвал из-за стола Сергея, тот, слегка пошатываясь, подошел к нему и, пьяно улыбаясь, пролепетал:

– Чё, Витек, опять воспитывать будешь?

– Да ну, Серега, ты уже взрослый мужик! Просто, Вера попросила, чтобы я тебя позвал. Она тебя там ждет, – Виктор кивнул на дверь, – говорит, хочу Сергея.

– Да-а-а?! – недоверчиво выдавил Сергей.

– Да-да, я не вру, она ждет тебя.

– А что ж сам? – подозрительно спросил Сергей.

– А что я?! Как говорится, насильно мил не будешь...

Виктор слегка подтолкнул Сергея в спину и закрыл за ним дверь.

Через некоторое время Сергей и Вера поженились, Вера была беременная, и, когда она родила, они тут же развелись.

11

Приказом по фабрике Бартюк Виталий Дмитриевич был назначен исполняющим обязанности коммерческого директора. Виктор готовил петлицы, предчувствуя для себя освободившуюся должность начальника отдела снабжения, но в беседе с генеральным директором Бартюк не поддержал самозваную кандидатуру, намекнув на темные дела бригадира, и Виктор остался при своих интересах. Зная виновника в своей неудаче, он затаил обиду, и Бартюк, видя в нем опасного конкурента, способного на всяческие ухищрения, однажды пригласил его к себе в кабинет.

– Виктор, учитывая твои организаторские способности, я предлагаю тебе перейти в завгары, – напрямую сказал он, – потом возглавишь транспортный цех, будешь заниматься ремонтом и распределением техники на работы.

– Спасибо за участие, – холодно ответил Виктор, – но мне ближе снабжение и сбыт, у меня и диплом по этой части.

– Виктор, я знаю о твоих делишках...

– Да ты и сам не чист! – резко и с вызовом вставил Виктор, понимая, что хотел сказать Бартюк.

– Знаешь, в чем разница между нами? – спокойно продолжил Бартюк. – Ты все время пытаешься загребать жар чужими руками. Но запомни одно: на каждую хитрую жопу всегда найдется хрен с винтом! Это я так, к слову. Дед мой, царствие ему небесное, любил такой каламбурчик. Я думал, что мы с тобой договоримся по-хорошему, – равнодушно сказал Бартюк, отводя глаза, и, вдруг сменив тон, деловито продолжил. – Ладно, Виктор, не будем ссориться, все равно нам вместе работать. Бери надежных мужиков, загружай сахар и... только осторожней... А я поговорю с генеральным, он согласится, будешь начальником отдела снабжения!..

Их взяли при выгрузке сахара. Никаких нужных бумаг на сахар не оказалось. На месте был составлен акт. Бартюк позвонил знакомому, и их отпустили.

– Козёл! – ругался Виктор. – Подставил!..

Виктор, Василий и Сергей вынуждены были уволиться по собственному желанию.

12

Наступил трудный период в жизни Виктора. Почему-то случился пожар, и у него сгорел дом, и Виктор, как будто, догадывался, чьих рук это дело.

Его бывшая жена, сжалившись, временно предоставила ему комнату, и он, считаясь с ее требованиями, поселился у нее. Оставшись без копейки и без угла, он просто вынужден был терпеть.

Как-то жена послала его в Октябрьский универмаг купить

стиральный порошок, и он встретил там Василия.

– О-о, Витек, здорово! – искренне обрадовался Василий. – Как живешь?

– Прекрасно! – улыбался Виктор. – Вот только что приехал с Севера... У меня же свое дело!..

– Да ты чё! – воскликнул Василий. – А партнер нужен? Я бы с удовольствием увлекся серьезным бизнесом, а то надоела всякая мелочь.

– А чем ты занимаешься?

– Я, вообще-то, в поселок перебрался, там дом купил, открыл свой магазинчик. Правда, не большой. Вещи на барахолке оптом скупаю, а у себя продаю. На хлеб хватает!

– А мне как раз нужен напарник, – задумчиво сказал Виктор. – Дело подвернулось довольно прибыльное, за два-три месяца можно здорово подняться.

– Да-а?! Интересно!

– Я же с женой сошелся, и у нас сложились отличные отношения. Вот придешь ко мне в гости и посмотришь, как я живу, а заодно все детально и обсудим. Записывай мой телефон! Ну вот и прекрасно, тогда созвонимся и договоримся о встрече.

Договорились о встрече через неделю.

13

– Ну, как тебе наши хоромы? – спрашивал Виктор, водя Василия по комнатам. – Осталось только коридор отделать. Конечно, я здесь жене здорово помог, сам понимаешь, все-

таки евроремонт, – с гордостью говорил Виктор. – Штук триста затратил! У меня же еще новая тачка у брата в гараже стоит...

– Здорово! – восторгался Василий. – А на чём же ты сделал столько денег?

– И не догадаешься! – загадочно улыбался Виктор. – На капусте!.. Да-да, на свежей капусте! У меня уже отработаны связи с Севером, там азербайджанцы держат весь рынок, и у меня есть хорошие знакомые. Лучше с чурками иметь дело, чем с русскими. Те надежней, а русские могут кинуть.

Они прошли в большую комнату. На фоне шикарных импортных обоев и гармонично подобранных широких штор красовался в стиле барокко мягкий угол, рядом, величественно сверкая дорогой древесиной, возвышался необычной архитектуры полукруглый журнальный столик.

– А здесь обитаю я, – важно сказал Виктор, приглашая Василия сесть на диван. – Сейчас я приготовлю кофе, а ты пока почитай, – он протянул лист бумаги, исписанный аккуратным почерком. – Ты внимательно почитай, а потом поговорим, – он вышел на кухню.

– Ну, как, разобрался? – спросил Виктор, вернувшись назад и принеся две чашки кофе.

– Да, всё понятно... Это что получается, на мясе можно сделать прибыль в два раза больше затрат?

– Да, – убедительно сказал Виктор. – У меня есть надежный заготовитель, и я с ним уже заключил договор на десять

тонн свинины, – Виктор показал тот договор, скрепленный печатью. – Вот я и предлагаю внести поровну сумму, и прибыль, естественно, разделим на двоих.

– Когда нужны деньги? – задумчиво спросил Василий.

– Уже на этой неделе я должен расплатиться с заготовителем, а в конце той меня будут ждать на Севере азербайджанцы. Я с ними только что разговаривал по телефону... Ждут... КамАЗ есть...

– Понял...

– Думай, дело надежное... Все отработано на капусте... Свинина на Севере имеет огромный спрос, – вкрадчиво говорил Виктор. – Конечно, я бы мог других привлечь, у них есть деньги, но они связаны с криминалом. Я сейчас ни для кого не существую, нет меня. Я решил, буду по-человечьи, честно подыматься сам, поэтому мне нужен вот именно такой, как ты, напарник. Сам посуди: если бы я был какой-то козёл, я бы тебя пригласил в свой дом?.. То-то, я бы тебя встретил где-нибудь на вокзале. Тем более мы с тобой уже работали. Я могу дать тебе расписку в получении денег.

– Да я тебе верю. Раз решили вместе начать дело, так какие могут быть сомнения.

– Вот именно.

– Я завтра привезу тебе деньги.

– Ну и прекрасно! – ожил Виктор. – Я сразу же расплачусь с заготовителем и, как только загружу КамАЗ мясом, позволю тебе, и мы вместе тронемся в путь...

Прошла неделя, как Василий отдал деньги Виктору. Звонка не было. Прошла еще неделя, звонка по-прежнему не было, и Василий, не выдержав, сам позвонил Виктору.

Трубку взяла жена.

– Вас беспокоит Василий, – сказал он. – Можно пригласить Виктора?!

– Виктор здесь больше не живет, уже две недели, как съехал, – сказала жена.

– А где он? Он ничего не передавал? Не звонил?

– Вы знаете, Василий, мы с ним в разводе, и каждый живет своей жизнью. Я его временно пустила из-за того, что у него несчастье случилось... Все же отец моего сына... Но сколько можно кормить? Надо и совесть иметь! А вам что он сказал?..

– Да-а-а, – выслушав сбивчивый рассказ Василия, равнодушно протянула жена и, секунду помолчав, добавила. – Вы знаете, его много кто ищет: и такие как вы, и братва всякая, и полиция, и прокуратура. А много денег вы ему дали?.. Да-а...

– И что теперь мне делать? Где его искать? – растеряно спросил Василий.

– Я вам, к сожалению, ничем помочь не могу. У него своя жизнь, у меня своя. И куда он умотал, и вернется ли? – этого я не знаю. Прохиндей, он и есть прохиндей...

САНАТОРСКАЯ БРАТВА

Четырехэтажное с балконами здание санатория располагалось на берегу большого водохранилища. Вокруг и вдоль берега тянулся большой сосновый лес.

На вахту выделили тридцать мест, поэтому все желающие получили путевки и после ночи сделали заезд в санаторий. Вселялись по два человека в комнату. Предназначенные для вахты комнаты находились на третьем и четвертом этажах по обе стороны длинного узкого коридора. Старшим заезда стал начальник смены Юрий Данилович.

Пятидесятилетний Юрий Данилович, небольшого роста и щупленький, напоминал юркого вездесущего подростка. Обладая быстрой реакцией оперативника и немалым жизненным опытом, он сумел быстро заселиться в самой лучшей и удобной комнате и принять предписанные врачом профилактические лечебные процедуры. Потом он важно ходил по коридорам и следил за расселением своих подчиненных, знакомясь попутно и с чужими людьми, приехавшими также вахтой с других предприятий.

Сделали заезд в санаторий и Голован с Дольским, поселившись вместе в угловой комнате на четвертом этаже. Приехал и Крымов, ему вместе с товарищем по работе Екимовым досталась тоже угловая комната, но только на третьем этаже, то есть под Голованом. Эти комнаты были хороши тем, что они выходили окнами на море и сосновый лес, а расположенная сбоку пристройка корректировала розу ветров

и создавала маленький оазис.

После ужина в восемь часов на втором этаже, в фойе состоялся вечер знакомства. Стоявшие по углам мощные динамики возбужденно разносили быструю музыку. Нарядные отдыхающие, собравшись группками, с любопытством рассматривали друг друга. Тот, кто посмелее и раскованнее, уже танцевал, выделявая замысловатые кренделя. Вечер только начинался. Все приглядывались и знакомились, постепенно пьянея и входя в раж.

Голован и Дольский, развалившись на диване в углу, наблюдали за танцующими дамами и о чем-то оживленно разговаривали. Им явно понравились две девушки, увлеченно танцующие напротив. Девушки ловко в такт ритмичной музыки вихляли полуобнаженными бедрами и сексуально подергивали круглыми попочками.

Скоро Дольский, мило улыбаясь и ловко управляя своим гибким телом, оказался около них. Кружась в танце, он то и дело приближался к девушкам и доверительно беседовал, они тоже улыбались и, внимательно слушая, что-то охотно отвечали.

– Все, шеф, контакт наладил! – говорил погодя Дольский. – Которая рыжая – Нина, та, что повыше – Оксана. Они, оказывается, местные, а здесь просто помогают в проведении вечера. Я их пригласил после танцев к нам в комнату. Сказали, что придут. Ну, как?

– Нормалек! – довольно сказал Голован. – Тогда надо го-

товиться. Ты будь с ними и через полчаса приводи, а я за это время приготовлю всё: приберусь, накрою на стол и прочее... Сам понимаешь!..

– Есть, шеф! – сказал Дольский. – Тогда я поскакал к ним, вернее, полетел на крыльях любви, чтобы никто не перехватил.

Дружно встав с дивана, они отправились выполнять поставленные перед каждым ответственные боевые задачи.

Вечер набирал обороты. Все, возбужденные и разгоряченные, ходили по коридорам и хлопали дверьми. Они то и дело спускались и поднимались с этажа на этаж. Эти хаотические движения напоминали беспокойный муравейник перед наступлением дождя. Дождь в санатории уже начался: громкие пьяные разговоры, звон стаканов, пустые бутылки, кем-то неуклюже опрокинутые и шумно катившиеся в сопровождении дикого восторга, – всё это приводило, в итоге, к долгожданному моменту братания и страстного любвеобилия.

В комнате у Крымова и Екимова пир стоял горой. Сидя за общим столом, мужчины и женщины, едва познакомившись, уже прижимались друг к другу. Оторвавшись от семей, многие машинально сняли с себя обязанности мужей и жен, все были холостые и свободные. Адреналин, подогретый спиртными напитками, превращал всех в самцов и самок. В силу вступали неодолимые животные инстинкты: откровенные взгляды, раздевая и лаская тела, волновали и возбуждали всех присутствующих, полногрудые женщины бес-

стыдно прижимались к молодым мужчинам и развязно намекали о возможности беспрепятственно уединиться.

Пьяный Екимов, видимо, превысив свою норму, откинулся к стенке и мирно засопел. Рослая, массивная Лариса, развязно чмокая, подмигнула своей соседке по комнате и, кивнув на уснувшего Екимова, сказала:

– Что-то мужики у нас слабые пошли! Ваш Екимов совсем раскис! Отведу-ка его в нашу комнату, пускай там отойдет немного.

Она, просунув руку под его спину, легко подняла и поставила на ноги. Он, шатаясь и что-то несвязно бормоча, придерживался за ее мощный торс, но ноги его не слушались и постоянно подгибались. Все от этого весело смеялись.

– Ладно, будет! – широко улыбаясь, сказала Лариса. – Что смеяться над мужичком? Подумаешь, перебрал немножко! С кем не бывает? Ничего, сейчас отойдет!..

Она, играючи, как ребенка, подхватила его на руки и, раздвигая всё и всех на своем пути, потащила к себе в комнату. Все еще пуще загоготали, сотрясаясь и, буквально, падая от дикого хохота.

Крымов встал и закрыл дверь на замок. Потом, сделав паузу, серьезно сказал:

– Всё, успокойтесь! Хватит смеяться, а то сейчас дежурная прибежит и всех разгонит, время то позднее. Надо полагать, они к нам больше не вернуться. Жалко мне Екимова: представляю, что с ним будет к утру! – и он опять, только

тихо, засмеялся.

– Ребята, – подхватила Ларисина соседка, – давайте продолжим банкет без них. Крымов, разливай всем по стопке, а то совсем скучно стало...

В компании находились еще две дамы, к одной из которых все обращались по имени и отчеству, уважительно называя Галиной Петровной. Она была до такой степени полной, что даже модное нарядное платье, изготовленное из плотной дорогой ткани, не могло спрятать сумчатые складки обильного жира и сидело на ней, как на пивной бочке, делая фигуру еще безобразней. Народная мудрость гласит, что нет некрасивых женщин, а бывает мало выпито водки, поэтому все-таки интересно, сколько же нужно выпить водки, чтобы в Галине Петровне, хотя бы немножко, увидеть женщину. Она, как пьяный матрос, сошедший после долгих странствий с палубы пришвартованного корабля, ходила вразвалочку по коридорам и приставала ко всем мужчинам, пока случай не привел ее в эту комнату. Но и здесь Галина Петровна явно не пользовалась спросом, и она, трезво оценив свои потенциальные возможности, все усилия решила направить на борьбу за Крымова, рьяно соперничая с Ларисиной соседкой.

Другая дама без сомнения следила за собой. Ее высокий бюст вызывающе смотрел и надменно дразнил всех присутствующих мужчин, но ей нравился сидящий рядом крупный спортивный парень Антон. Она, опытная зрелая женщина, увидев его, сказала сама себе: этот мальчик будет мой. В

Антоне чувствовалась привлекательная мужская сила, и она, хищная Валентина, все чаще и пристальней смотрела на Антона. Тот, наконец, наклонился к ее уху и прошептал:

– Валя, может быть, прогуляемся, а то душно вато здесь стало?

– И то правда! – охотно согласилась Валентина. – Да и моя соседка не спит из-за меня. А ее лучше не беспокоить – сварливая!..

Они встали и вышли. Гулянка продолжалась без них. Все до того напились, что каждый, не слушая другого, перебивал и болтал что попало.

Антон в своей комнате ночевал один, сосед по семейным обстоятельствам вынужден был уехать домой, и сейчас, разгоряченный, он стоял с Валентиной в темном безлюдном фойе и негромко разговаривал.

– Честно сказать, мне такие попойки не нравятся, – говорил Антон, добродушно расплываясь в грустной улыбке.

Он говорил, а обольстительная Валентина ласково смотрела на него и про себя думала:

«О, Боже, какой милый большой мальчик! Какие у него выразительные умные глаза! Что он там все философствует? Хоть бы на чай пригласил к себе, ведь один сейчас живет. Вот дурачок!..»

– А ты как думаешь? – вдруг спросил он и смутился, поймав на себе пристальный изучающий взгляд.

Валентина решила сама перейти в наступление.

– Антоша, слушай, иди к себе в комнату, а я предупрежу свою соседку, чтобы та ложилась спать, – сказала она. – У меня есть конфеты и печенье!.. Я закрою соседку, и мы посидим у тебя, попьем чай и обо всем поговорим. Хорошо, Антоша?..

Не прошло и пятнадцати минут, как Валентина появилась в комнате у Антона. Она бесшумно прикрыла дверь и повернула ключ в замке.

– Там дежурная ходит по коридорам, – сказала Валентина. – Больно уж она шумит, что долго не ложимся спать, и заставляет в комнатах гасить свет. Я принесла ночник, чтобы не так ярко было, да и снаружи будет не видно.

Валентина включила ночник, погасив общий свет в комнате. Скоро закипел маленький электрический кофейник. Наклонившись над кофейником, Валентина колдовала, переливая кипяток то в стакан, то из стакана, и заваривала индийский чай. Присутствие зрелой обаятельной женщины приятно волновало и кружило голову. Антон чувствовал мощные толчки сердца, его разгоряченное тело почему-то испытывало легкой озноб. Валентина все колдовала, ее округлые женские формы выгодно представлялись перед взором Антона, и он, возбужденный до предела, робким движением обнял ее за бедра и посадил к себе на колени. Возбуждение дрожью пробежало по телу Антона, и опытная Валентина это почувствовала. Она повернулась к нему и прижалась грудью.

– Не волнуйся, Антошечка! – ласково сказала она и нежно поцеловала в горячие губы. – Успокойся, мой мальчик!.. Сейчас мы попьем чай...

Валентина с такой теплотой посмотрела Антону в глаза, что тот, потеряв робость, страстно поднял ее и отнес на кровать.

– Не спеши, мой мальчик! Не волнуйся! – шептала, возбуждаясь, она.

И Антон был очень спокоен. Он, раздевшись, помогал раздеваться Валентине.

Антон трепетно расстегнул лифчик. Валентина, придерживая большие упругие груди, налитые красивой тяжестью, стыдливо посмотрела на него и, заметив в его глазах неподдельное восхищение, отвела руки.

– А ты красивая! – искренне сказал Антон, и его сильные руки нежно и трепетно прикоснулись к бархатной холеной коже знойной партнерши...

– Какой ты сильный мужчина! – устало сказала потом Валентина. – Я сразу тебя рассмотрела, как только увидела впервые, – переведа дух, продолжила она. – Я уже тогда себе сказала, что этот мальчик будет мой. И вот ты мой!

Валентина весело засмеялась. Антону тоже было легко и радостно, будто снял с себя и со своей души непомерно тяжелый груз.

– Ну, все, Антошечка, отдыхай! – вдруг засуетилась Валентина. – Я тебе оставлю конфеты и печенье, а кофейник

заберу. Он не мой, соседки. Мне пора, а то соседка что-нибудь заподозрит.

Антон понимающе молчал. Она, одевшись и поправив прическу, прижалась к нему и быстро поцеловала в губы. Потом, прихватив кофейник, прислонила ухо к двери и прислушалась. Было тихо. Она помахала ручкой, повернула ключ и проворно выскочила в коридор, бесшумно прикрыв за собой дверь. Легкий стук каблучков, едва уловимый, пробежал по коридору и затих где-то в глубине на переходе.

Антон лежал в темноте с открытыми глазами, вдыхая сохранившийся запах разгоряченного женского тела. Он уснул незаметно, погрузившись в блаженный сон удовлетворенного во всем человека.

Санаторий, нагудевшись, постепенно замирал. Лишь иногда раздавались пьяные крики и непонятная возня.

На другой день после завтрака главный врач пригласил к себе в кабинет старшего по заезду Юрия Даниловича. От дежурной медсестры поступила жалоба на вахтенный персонал. Юрий Данилович накануне изрядно перепил и совершенно ничего не помнил, мучаясь страшными головными болями. Идти к главврачу не хотел, но тот перехватил его прямо у столовой.

– Юрий Данилович, – сразу строго обратился он, – почему ваш вахтенный персонал нарушает внутренний распорядок? Почему вы в оздоровительном учреждении устраиваете коллективные ночные гулянья? Когда прекратятся все эти

безобразия?

Юрий Данилович, кое-как пересилив свое недомогание, удивленно развел руками и искренне воскликнул:

– Да вы что?! Кто вам сказал такую чепуху? Быть не может! У нас было все спокойно.

– Странно! – удивился главврач и пожал плечами. – А что же тогда медсестра жалобу написала?.. А вон и она идет! Сейчас спросим! Екатерина Семеновна! – громко позвал он мелькнувшую медсестру. – Екатерина Семеновна, подойдите, пожалуйста, на минуту!..

Полненькая проворная медсестра подошла к мужчинам.

– Екатерина Семеновна, – опять обратился главврач, – вот Юрий Данилович утверждает, что в минувшую ночь все было спокойно, никто и ничто не нарушал.

– Как не нарушал?! – искренне вскипятилась возмущенная медсестра. – Вот он больше всех и хулиганил! Мало ему, что нахрюкался до чертиков, так он еще всю ночь за мной гонялся, приставал ко мне! Вон, весь рукав оторвал! – и она показала на белый халат. – Я его только что пришила!

– Юрий Данилович! – удивленно протянул главврач. – Уж от вас то я этого не ожидал!..

Чувствуя, что трясина праздности санаторного безделья засасывает со всеми потрохами, Юрий Данилович решил прервать лечебные процедуры, сдав полномочия старшего по заезду более серьезному коллеге, который, если и не пил, то только потому, что остро страдал от язвы желудка.

На этом все и успокоились. То ли вахтенный персонал не пьянствовал, то ли научился пить, не пьянея, но только нареканий по этому поводу со стороны служебного персонала оздоровительного учреждения больше не было.

Бар, ежедневно работающий при столовой, по-прежнему приторговывал разнообразными спиртными напитками и приносил прибыль.

КРАШ

(Краш – предмет тайной или безответной влюблённости, «крашем» часто называют того, с кем всё совершенно ненадёжно.

Заметки мужчины о безумной страсти к женщине, которую сам же придумал и, поверив в это, полюбил, и что из этого получилось)

ЗАМЕТКИ МУЖЧИНЫ:

«После всех праздников у меня с новой силой вспыхнули чувства к тебе. Вспыхнули ярче и более проникновенно. Я устал бороться с собой. Огонь и страсть, словно вулкан, выжигают меня изнутри. Я вынужден обратиться к высшим божественным силам. Обратился очень осторожно. Я аккуратно ворошил свои мысли и, чтобы никому не навредить, делал тщательный отбор, только потом посылал их в Космос. Я прямо и откровенно, от всего сердца и души, направил своё Обращение с просьбой разрешить все чувственные эмоции

и желания так, чтобы никто не пострадал, и сохранились в любви и гармонии все отношения в наших семьях. И я получил Ответ...

Мне опять было видение, необычное, тревожное, после которого на сердце и душе стало легко и свободно, как будто слетел с меня огромный груз нерешаемых проблем.

Мне приснилась большая дача, где стояла большая круглая ёмкость с надувными бортами, залитая до краёв голубоватой водой. И ты, красивая и счастливая, плескалась в этой воде и восторженно приговаривала: «Я рыбка, я рыбка! Я так люблю море! Я не могу без моря». Твой сын разбежался и прыгнул к тебе, но прыгнул неудачно, зацепился ногами за борт и, хлебнув воды, стал отчаянно кашлять и судорожно хватать ртом воздух. Я схватил его за ноги и вытащил назад из водоёма. Он стоял и фыркал, потирая глаза. «Фу, какая солёная вода! – пыхтел он. – Аж глаза щиплет!»

«Так это же море, настоящее море! – искренне восторгалась ты. – Я так люблю море!»

Ты эффектно, словно белый лебедь на голубом озере, скидывала свои руки-крылья вверх и разносила веером сверкающие на солнце брызги. Я обратил внимание на твои тонкие изящные кисти. Ты была в то время для меня Богиней, созданной из морской пены. Я, очарованный, забыл обо всём на свете... Но тут меня кто-то потянул за ногу. Я повернулся и увидел твою маленькую дочь. Она в белом длинном платье стояла рядом и смотрела на меня. Взгляд её

был серьезный и не по-детски взрослый. Она поманила меня пальцем. Я присел к ней.

«Ты мою маму любишь?» – серьёзно спросила она, глядя прямо в глаза. Я замешкался от неожиданного прямого вопроса и не знал, что сказать. Но она всё поняла и спокойно продолжила: «Мама моя очень нежная и ласковая, я с ней люблю обниматься и целоваться, – она внимательно посмотрела на меня, секунду помолчала и продолжила, – ты смотри не обижай мою маму, она у меня очень хорошая и добрая. Я знаю, ты любишь маму, по-настоящему любишь, и ты будешь с ней встречаться. Будь с ней нежен и ласков, и вам будет хорошо, очень хорошо. Всем будет хорошо. Да ты не бойся, я никому не скажу. Никому... Вам будет очень хорошо...»

Меня внезапно охватило волнение, и я вдруг проснулся от сухости во рту. Осторожно встал с кровати и прошёл на кухню. Часы показывали 2.13 ночи. Я попил воды и взглянул в ночное окно. Темный лес, светящие яркие фонари вернули меня в реальное время. «Что это было? – подумал я. – Опять знаки, сигналы? Что-то часто они стали меня беспокоить... Уже который раз...»

«Я вспомнил, как сестра знакомила меня с каббалой, христианством и некоторыми знаниями из области нумерологии. И часы, когда я проснулся, показали со смыслом конкретное время. Сумма цифр даёт число 6 (2+1+3). Это самое плодовитое из всех чисел. Шестёрка – это любовь, здоровье, красота, случай, удача, гармония, совершенство. И

потом появление этой маленькой девочки в образе ангелочка, конкретно её словами передается замысел-вердикт высших божественных сил. Произошло подключение к ментальному энергетическому эгрегору... Я понимаю, что ум и разум блокируют наше сознание, когда мы пребываем в реальном явном мире, и только во сне нам удастся расслабиться, освободиться от этой блокировки и связаться через подсознание при помощи интуиции с высшими божественными силами...»

«Я вспомнил совместный отдых наших семей на море, открытую праздничную площадку. Звучала лёгкая медленная танцевальная мелодия. Мягкие ненавязчивые аккорды саксофона вызывали волнение и заряжали всё тело сексуальной энергией. Ты, красивая, высокая и стройная, в облегающем легком платье стояла напротив меня. Твои глаза возбуждённо горели и вызывали желание и страсть. Видя твоё томление, я не выдержал, подошёл к тебе и пригласил на танец. Ты робко протянула руку и положила мне на плечо. Моя широкая ладонь легла на твою талию. Я почувствовал жар твоего тела. Танцуя, я непроизвольно касался твоих упругих бёдер и живота. Меня это возбуждало. Звуки мелодии, проникая вовнутрь тела, вызывали вибрации, и они совпадали с моими и твоими вибрациями. Мне было очень приятно. Я чувствовал жар твоего возбуждённого тела. Меня охватила страсть, и горячая кровь внезапно прихлынула к низу живота и вызвала желание. И я усилием воли вынужден был заблокиро-

вать свои чувства.

Видно, высшие силы настойчиво сближают нас. Я больше не могу идти против воли высших сил. Я люблю тебя, люблю как человека, люблю как женщину, я хочу тебя, ты близка мне...»

«Ты моя милая желанная любимая девочка! Я так сильно соскучился по тебе, что с трудом сдерживаю свои эмоции. Я завтра утром приеду за тобой прямо к дому. Как приеду, позвоню. Я буду ждать твоего выхода, как ждут лучика солнца после долгих ненастных пасмурных дождливых дней, когда тоска и безысходность доставляют мучения каждую минуту и теряются надежда и вера в рассвет лучших времен. Ты моя Вера! Ты моя Надежда! Ты моя Любовь! Ты мой Луч Солнца в Явном Мире, который будит интерес и является мотивацией в моей жизни! До встречи, моя любимая Богиня! Мне так хочется любить тебя искренне и нежно, чтобы и ты прочувствовала на себе настоящую Божественную Любовь! Это так прекрасно искренне любить и быть любимым! Настоящую Божественную Любовь нужно заслужить! А это дано далеко не каждому... Но почему ты не идёшь мне навстречу? Видно, не веришь в искренность и силу моей любви...»

«Мысли о тебе меня так приятно волнуют и в то же время изводят! И эти мысли практически появляются каждый день в любое время дня и ночи, и появляются неожиданно, внезапно, просто, вдруг... Сначала я чувствую пронизывающий всё моё тело мощный энергетический поток, и тут же

следом моими мыслями рисуется твой милый нежный образ, такой любимый и желанный, что меня полностью захватывают волнение и неудержимая страсть. И внезапное неожиданное тепло, рождённое вместе с мыслями о тебе, словно волны прогретого моря, накрывают меня всего с головой и бегут мурашками по спине и бёдрам. Нет, это не похоть! После похоти наступает опустошение и деградация. Похоть зарождается снизу, тёмными силами, их цель растление личности и завладение душой, – превращение в безмозглого раба с животными инстинктами. А здесь я ощущаю посыл явно сверху от высших светлых сил, и я это чувствую душой и сердцем через ментальное и астральное энергетическое поле. И мне хорошо и комфортно с тобой в этих тонких энергетических полях! Твоя душа и моя душа, когда наши физические материальные тела спят, рвутся навстречу друг другу и, сплетаясь воедино, быстро уносятся в Космическую Бесконечность. Мы с тобой схожи во многом, и это говорит о наших совместных прошлых жизнях, где мы были в очень близких родственных отношениях. Этот факт подтверждается произвольными сигналами и знаками как в нашем явном физическом мире, так и в мире Нави, где мы пребываем во время сна. Я последнее время постоянно думаю о тебе. Но я и понимаю, что все чувства и желания, которые касаются нас двоих, лучше не афишировать при посторонних, чтобы не навредить нашим семьям. Ты единственная женщина, которую я искренне и страстно люблю и хочу...»

«Я постоянно думаю о тебе, мои мысли связаны с твоим близким и родным для меня образом. Я люблю тебя искренне и нежно. Только от одних мыслей о тебе на меня накатывает мощная страстная волна, и я погружаюсь в божественное состояние, при котором начинаю испытывать сексуально-эротические наслаждения, полностью отключающие и уводящие меня от реальности. Я чувствую твоё горячее дыхание, запах твоих волос. Я осторожно и нежно прикасаюсь к твоим красивым рукам, твои тонкие кисти прячутся в моих больших ладонях, и я чувствую их тепло. Ты поворачиваешь голову в мою сторону и смотришь мне в глаза. Я тоже пристально смотрю в твои глаза. Они у тебя большие и чистые – то голубые, то неожиданно зелёные, сверкающие бирюзой осенних потоков быстрых горных рек. Я вижу в глубине затаённую сексуальную энергию. Эта энергия сдерживается усилием воли, и выход её заблокирован воспитанием большого общества и, как следствие, искажённым сознанием. Избыток энергии давит тебя изнутри, принося внутренний дискомфорт. Организм усиленно борется с неудобствами, создавая проблемы здоровью. Так неосознанно лишняя сексуальная энергия выходит через ласки с дочкой. Ты страстно её тискаешь, обнимаешь, целуешь, тебе и ей это нравится. Я это вижу, я это чувствую, я это понимаю. Я сам варюсь в изобилии собственной сексуальной энергии, которая требует выхода. Я искренне люблю тебя! Я хочу тебя! Я хочу нежно ласкать, обнимать и целовать тебя так же,

как и ты дочку. Я очень хочу, чтобы и тебе было приятно, и ты отвечала взаимностью. Это и есть настоящая Любовь!»

«Ты даже не представляешь, какова сила и какое искреннее мощное желание встретиться с тобой. Я очень хочу побыть с тобой наедине в интимной спокойной домашней обстановке, мне бы уже было приятно, просто, сидеть и смотреть в твои глаза, держать твои ладони в своих руках, чувствовать запах твоих волос, ощущать тепло твоего тела. Я боюсь обидеть тебя даже словом, не говоря уже о каких-то действиях. Всё будет так, как ты позволишь. Можешь бить меня скалкой, но я всё равно буду любоваться тобой и, улыбаясь, говорить: ты моя самая желанная и милая девочка, я люблю тебя, люблю искренне и нежно, я хочу тебя, я очень хочу тебя, я безумно хочу тебя, моя Богиня!»

«Нужно только отключить свой мозг и сознание, и почувствовать своим сердцем и душой, и для тебя многое откроется, и ты поймёшь, как прекрасен наш явный мир, полный Любви и Счастья. Просто, это мало кому доступно в силу ограниченности и зашоренности, а также в результате мощного зомбирования пропагандой больного общества. Я люблю тебя, и это факт, и не нужно размазывать и топтать мою Любовь. Ты моя самая любимая женщина, и я это говорю искренне от всего сердца и души. Ты для меня Богиня! И ты пойми и смирись с этим, и не сопротивляйся, а то я тебя просто съем и не подавлюсь! Если будешь сопротивляться, я буду приходить к тебе во сне и выносить мозг! Тогда точно

и у тебя будет палата номер 6!...»

«Я хочу тебя любить и нежно ласкать так, чтобы тебе было приятно. Разве это плохо, любить искренне и нежно и быть любимым! Конечно, об этом не стоит кричать на каждом углу, это касается только нас двоих, ведь мы должны всё делать разумно не в ущерб нашим семьям. И я действительно очень хочу тебя, меня никто так сильно не волновал и не вызывал такое желание. Я даже в мыслях о тебе испытываю наслаждение на высоком уровне. И разве это плохо, ведь какая мощная энергетика, которая вызывает бурю страстей и чувств. Я очень хочу тебя, ты для меня желанная любимая Богиня!.. Мне привиделась яркая и явная картинка с тобой. Ты сидела у меня на коленках передом ко мне и держала шоколадку во рту. Ты меня дразнила шоколадкой, то и дело наклоняясь ко мне. Я пытался схватить её своим ртом, а ты дразнила, отклоняясь от меня. Но тут я изловчился, обнял тебя за бедра, потом за ягодицы и притянул к себе. Притянул близко-близко, что почувствовал твою горячую упругость низом живота. Я ловко засосал торчащую шоколадку из твоего рта, и явно почувствовал вкус шоколада. Я чувствовал твои горячие вкусные губ. Я чувствовал всё твоё тело. Я чувствовал твоё искреннее желание и твою страсть. Всё происходило так явно и страстно, что я проснулся. Мой живот был залит липкой жидкостью...

Здесь нужно отметить, что подобные чувства и такой казус я испытал в 16 лет... Нам вручали паспорта в доме куль-

туры, куда пригласили всех тех старшекласников, кому на тот момент исполнилось 16 лет. А потом были танцы. А я вообще никогда не танцевал, и девчонок боялся, как огня. Словом, как телок стоял в сторонке и мялся с ноги на ногу. Но как я не прятался, меня заметила одна пионервожатая, она была высокая и стройная, приятной внешности, студентка 2 или 3 курса пединститута, вот она меня и пригласила на танец. Я так испугался: топчусь, боюсь ей на ноги наступить. Она мне говорит, ты что такой напряжённый, никогда что ли с девочкой не танцевал? Я говорю, угу, и весь покраснел и совсем смутился, и меня такая дрожь охватила. Только это ещё больше подогрело пионервожатую, она взяла мои руки и положила одну себе на плечо, другую на талию, и прижалась так близко, что я почувствовал её плоский живот и груди. Я так смутился, что немножко отодвинулся. А она опять прижалась ко мне и говорит еле слышно прямо в ухо: глупышка, это же медленный танец, нужно чувствовать партнёра... не робей... вот так... смелее... у тебя здорово получается. И сама всё теснее и теснее прижимается. Вот здесь это и произошло со мной первый раз, как будто внизу живота у меня взорвался вулкан. Так было сладко и приятно, и так стало сразу легко, что я машинально со всей силы прижал пионервожатую к себе, обхватив её обеими руками за ягодицы. Теперь уже она испугалась и упёрлась руками мне в грудь, чтобы отодвинуться. По моим ногам потекла теплая вязкая жидкость, я отстранился от пионервожатой и ринулся вниз

по лестнице в туалет. Вот такая оказия со мной произошла в 16 лет!...»

«Да, я опять улетел от своих медитаций. Ты даже не представляешь, какая у меня мощная энергетика при мыслях о тебе, моя хорошая, моя любимая девочка. Я просто улетаю от чувств к тебе, какая там марихуана или что-то ей подобное, они, просто, отдыхают. Мне достаточно только подумать о тебе, и я в глубоком возвышенном божественном экстазе. Представляю, если бы ты была ещё рядом со мной, точно бы красиво на зависть всем умер. На меня никакая женщина так не действовала. Какую страсть и какие чувства я испытываю на высоком энергетическом уровне! Ты моя самая любимая нежная желанная Богиня! Я тебя безумно люблю! Я сильно, я очень сильно хочу тебя! Ты для меня как глоток свежего воздуха! Я искренне это говорю! Я очень люблю тебя! Люблю искренне, нежно, страстно! И признаюсь честно – я впервые испытываю такие сильные чувства и эмоции при мыслях о тебе! И мысли о какой-то другой женщине даже не предполагаются, это равносильно предательству, измене, наконец, подобно мгновенной смерти! И это я говорю очень серьезно! Береги себя, моя хорошая! Ты для меня самый родной и близкий человек!...»

«Мне опять было видение. Будто, мы с тобой оказались на острове в океане на безлюдном пляже. Был лёгкий отлив: волны с шумом накатывали и убегали снова в океан, с каждым разом всё больше и больше оголяя песчаный берег.

Солнце, яркое и жаркое, нещадно палило и загоняло в воду. Ты беспечно шла вдоль берега и заигрывалась с набегаящими волнами, ловко отпрыгивая в сторону. Я наблюдал за тобой и любовался твоей фигурой, твоей лёгкой упругой походкой. Так умеют ходить только профессиональные манекенщицы: прямая спина, гармоничная игра бедер, гордая посадка головы, и уверенный взгляд, устремленный вдаль. Я откровенно любовался тобой...

«О, боже, что она делает?!» — мелькнуло у меня в голове, когда ты, вдруг, разбежавшись, перепрыгнула через очередную набегаящую волну и поплыла от берега. И вот волна уже подхватила тебя и потащила в океан, безжалостно и быстро. Так быстро, что я испугался и остановился как вкопанный. Ты заметно удалялась, и ты это поняла. Ты остановилась и начала грести обратно, но оставалась на месте, и волны тащили тебя всё дальше и дальше. Я растерялся, осознав всю серьёзность происходящего. Не чуя ног, я бросился следом в океан. Убегающая волна меня быстро доставила до твоего обессиленного тела. Ты лежала на воде вниз лицом. Я поднырнул под тебя и осторожно перевернул на спину. Ты была без сознания, глаза были закрыты, а сильно стиснутые зубы затрудняли дыхание. Я овладел собой. Я понимал, что волны уносят в океан, под нами была глубокая чёрная бездна.

Мой взгляд скользнул по горизонту океана, и я увидел над поверхностью приближающийся плавник. Акула! – мелькнула у меня в голове, и я оглянулся назад, до берега уже было

не близко. Я просунул руку под твою спину и крепко обхватил талию. И, ловя каждую волну, возвращающуюся назад к берегу, усиленно заработал ногами, подгребая свободной рукой. Я уже отчётливо видел силуэт огромной белой акулы, которая лязгала острыми зубами и кружилась вокруг нас. Страх не было. Было отчаянное желание уйти и спастись от морского хищника. Нам повезло. Мы успели добраться до больших кораллов, куда акула не рискнула заплывать. Я, уставший и обессиленный, поддерживая тебя, доплыл до мели, мои ноги коснулись дна. Я подхватил тебя и вынес на берег, осторожно опустив на песок.

Ты, бездыханная, лежала с закрытыми глазами. Я опустился рядом на колени и обдумывал свои дальнейшие действия. И вдруг ты открыла глаза, осуждающе посмотрела на меня и сказала: «Ты что медлишь, я же умираю, а ну-ка быстро делай мне искусственное дыхание!»

Моё сердце так сильно стучало, что отдавалось эхом в ушах, и, казалось, вот-вот выскочит из груди...

«Ну иди, иди ко мне, – томно сказала ты, обхватив тонкими кистями мою шею, – иди же делай мне искусственное дыхание...»

Я весь затрепетал, и в моей голове всплыл весь инструктаж оказания первой помощи, та пропорция 2 к 15, когда делаешь вдувание «рот в рот» и массаж сердца... И я уже чувствовал вкус жарких зовущих губ, как раздался сильный грохот и металлический скрежет не смазанной телеги...

Я проснулся и бестолково лежал в темной комнате, щурясь от света, пробивающегося сквозь приоткрытую шторку. За окном, гроыхая баками для мусора, противно скрипел колёсами дворник.

«Я убью тебя, дворник! – раздражённо подумал я. – Что не мог немного подождать! Гадёныш! Вот гадёныш!»

Я осторожно встал и вышел в другую комнату. Приоткрыл шторку и выглянул в окно. Дворник в яркой оранжевой форме привычными движениями перекатывал баки. Один, два, три, четыре, пять... Гаденыш вышел погулять... Вдруг окошко я открыл, кирпичом его накрыл... Но потом мне его вдруг стало жалко. Хороший безобидный трудолюбивый ответственный дворник, а тут я... Это я гадёныш, – терзала меня совесть.»

«В последнее время меня сильно терзают частые наплывы желания любви. Любви искренней страстной взаимной, чтобы пылать и гореть с такой отдачей и мощью, как бушует жаркое пламя в топке дачного камина, где огонь, подхваченный потоком воздуха, уносится в дымовую трубу, раскаляя её до красна. В такой топке поленья сгорают быстро и полностью...»

Ты всегда приходишь ко мне красивая и гордая, и я самолюбвенно ласкаю твоё желанное тело, искренне и нежно люблю тебя и жарко целую каждую твою клеточку от макушки до пяток, и ты отвечаешь мне взаимностью, извиваясь и дрожа в страстных объятиях. Это и есть настоящая страстная Лю-

бовь, подаренная Богом...

Я вспомнил, как ты бегала по берегу горной реки, нам всем было хорошо, и мы баловались, как дети. Помню, как ты обняла меня, прижавшись грудью, а я держал тебя ладонью за талию, – и нас сфотографировали. Я чувствовал тебя, и мне было очень приятно. Мы все вели себя раскованно и естественно, – были сами собой. Ты на меня очень положительно влияешь, я чувствую в себе достаточно сил и желаний для любых действий, я, как тот пионер, всегда и ко всему готов, готов быстро и решительно...»

«Я часто захожу в твои астральное и ментальное тела, захожу очень осторожно, мягко, погружаясь сердцем и душой в твою обитель. Мне там очень комфортно, и я чувствую взаимность тепла и нежности твоего сердца и души, там открываются большие резервы сексуальной энергии, и мы сливаемся в единое целое и парим над землёй, устремляясь в космическое пространство. Я это делаю осторожно и дозированно, чтобы не нанести тебе вред. Когда мы сидим рядом, я мягко и медленно захожу в твоё эфирное тело, захожу постепенно, доставляя тебе максимум удовольствия. Ты чувствуешь это хождение, твоё тело охватывает приятный жар, а лицо покрывается красным румянцем, ты вся горишь и искренне не понимаешь, что с тобой происходит, но тебя неожиданно охватывает возбуждение, тебя это смущает и тебе делается неловко. И я это всё ощущаю физически. Я незаметно наблюдаю за тобой и вижу происходящие в тебе

изменения, и меня это заводит. Я вхожу в тебя всё глубже и глубже, и уже сам боюсь потерять над собой контроль и оказаться под влиянием банального физического оргазма.

Я думаю, что тебя так искренне и нежно никто не сможет любить. Мои чувства откровенные и очень сильные, и я с трудом научился сдерживать себя. Я ценю и уважаю тебя за понимание, доверие, надежность и сохранение дружеского отношения ко мне. Мысли о тебе мотивируют во мне интерес к жизни и вызывают желание высшей человеческой любви. Я хочу, я очень хочу любить тебя, любить искренне и нежно! Хочу, чтобы ты по максимуму испытала удовольствия не только на физиологическом уровне, но и во всех энергетических телах на эфирном, астральном и ментальном уровнях, а здесь мы с тобой уже находимся на одной волне, и нам здесь очень комфортно и совместимо, – мы очень схожи по многим душевным и человеческим параметрам. Для полной гармонии достаточно лишь почувствовать физическое тепло твоего тела. Я, просто, мечтаю сгореть или умереть от твоих жарких объятий и страстных поцелуев. И я уверен, что, если даже умру от любви с тобой, то нисколько не буду жалеть об этом. Ты для меня близкая родная любимая желанная женщина...»

«Доброе утро, моя хорошая! Я сегодня ночью приходил к тебе. Как я увидел, как мне показалось, у тебя душевная усталость. Ты устала от своих мыслей, от борьбы с собой, от противоречий внутреннего мира и внешнего. Это, в прин-

ципе, нормально. Есть ещё такое понятие – кризис среднего возраста. А это и есть борьба внутри себя, когда твой мозг диктует тебе своё, а душа хочет другого. Я тебе уже об этом писал. Взрослеешь, моя хорошая, это нормальное явление, именно в этом возрасте это происходит. Тебе нужно учиться думать и жить душой и сердцем. Ум, разум, интеллект, головной мозг, точнее, сознание являются рабами общества, СМИ, ТВ, – всё это нужно смело отправить в утиль. Пришло время думать и жить душой и сердцем, включать и развивать свою интуицию, подсознание, третий глаз, связь с Богами, словом, нужно трудиться в этом направлении. Я рядом с тобой, моя хорошая, моя любимая девочка! Ты уже взрослеешь. Многие, не понимая, пытаются расслабиться при помощи алкоголя или наркотиков, а это тупик, саморазрушение. Для информации, алкоголь способствует выходу телесной оболочки на эфирный уровень, наркотики – на астральный уровень, и там и там человек испытывает приятные ощущения, временно, а потом наступает ломка, болезнь, потому что по своему энергетическому развитию он находится в телесной оболочке, происходит разрушение организма, он, просто, не готов к таким ощущениям. Он таким образом убивает себя. Я уже говорил тебе, нужно обращать внимание своей энергетической системе, с ней очень плотно завязаны Душа и Сердце, посредством их осуществляется связь с Высшими Божественными силами. Я люблю тебя, я обожаю тебя, моя милая нежная Богиня! Ты моя самая любимая и

самая желанная девочка! Ты даже не представляешь, как я тебя люблю, искренне и нежно! Я очень хочу тебя любить, ласкать нежно и страстно, так, чтобы тебе было приятно и хотелось ещё и ещё. Ты моя Любовь! Ты моя Богиня! Я хочу тебя, я тебя очень хочу, я тебя безумно хочу! Ты меня сводишь с ума! Только от одних мыслей о тебе я завожусь и захожусь на грани потери сознания. Как это возможно? В чём секрет и сила в твоём воздействии на меня? Я, просто, теряю голову, лишь только подумав о тебе. Боже, как я люблю тебя! Вот уж воистину, ты моя Богиня!»

«Как и каким образом ты воздействуешь на меня? Вроде, ничего необычного и никакого повода, а у меня буря эмоций и ураган страстей. Сердце усиленно стучит, пытается вырваться из груди, а душа клокочет, расправляет крылья и устремляется ввысь к тебе навстречу.

И опять со мной случился очередной чувственный оргазм на высоком уровне! В случае таких приступов меня спасают заметки, просто, тупо стучу по клавишам и переношу свои чувства и эмоции в электронный вариант. И становится легче. Их уже много накопилось. Трудно держать себя и в себе. Мне так хочется, чтобы ты, наконец, прочитала все мои заметки, посвящённые тебе. Руки устают от напряжения, даже заметки усиливают мои чувства, потому что анализирую свои эмоции с позиции высококлассных специалистов. Из-за давления заметок, я, просто, вынужден поделиться ими с тобой, старался максимально излагать литературным язы-

ком, очень боюсь, вдруг «забанишь» с испытательным сроком, прямо, как в Ютубе.

В этих заметках изложены мои самые сокровенные мысли, и такие тайные желания, что иной раз боишься даже себе признаться. Но всё написано искренне, честно и откровенно. Я только тебе доверяю и только тебе разрешаю с ними ознакомиться. Передаю как эстафету от моего Сердца твоему Сердцу, от моей Души твоей Душе. ВСЁ до слова, ВСЁ до мысли, ВСЁ до эмоции и чувства. Пользоваться умом или разумом нет смысла, ибо они испорчены, искажены, отравлены, извращены, зомбированы морально-нравственными устоями и законами нашего больного общества. ЭТИ ЗАМЕТКИ нужно пропускать через Сердце и Душу, читая медленно несколько раз до полного осознания, и читать нужно уединенно, чтобы никто не отвлекал и ничто не мешало. Внимательно прочитав эти заметки и пропустив каждое слово через своё Сердце и свою Душу, ты сама себе ответишь на многие вопросы, и разберёшься в бушующем океане чувств, эмоций и страстей. Это и есть божий Дар, и этот Дар даётся далеко не каждому. Большинство, смиряясь, так и живут, не понимая, в серой мрачной обыденности, превратившись в зомбированное ватное население, составляющее основу безразличного трусливого завистливого общества...»

ОТВЕТ ИЗБРАННИЦЫ ЛЮБВИ НА ПОСЛАННЫЕ ЕЙ

ЗАМЕТКИ ОТ ВЛЮБЛЁННОГО МУЖЧИНЫ:

«Слышь, ты... Ты чем там обкурился? Или ты больной? Больной на всю голову! Тебе лечиться нужно! Я тебе когда-нибудь давала хоть малейший повод, чтобы мне такую хрень писать? Я мужа люблю! А к тебе, даже если бы не было совсем мужчин, и близко не подошла. Ты себя давно видел в зеркало? Люби лучше свою жену, и ей уделяй внимания. И все эти мысли у тебя от безделья! Тебе нужно занятие, чтобы даже думать и смотреть сны некогда было. Из всего мне понравилась только одна мысль – «забанить» тебя!

Для меня ты больше не существуешь, и я знать тебя больше не желаю! Больной! Лечи лучше свою голову!»

Мужчину увезли на машине скорой помощи. Он скончался, не приходя в сознание, в реанимации. Сердце влюбленного не выдержало безответной любви.

От переживаний из-за безответной любви в сердце произошли серьёзные изменения, которые и привели к летальному исходу. Синдром разбитого сердца. Человек умирает. Человек больше страдает не столько от того, что сам перестал любить, а от того, что его вдруг больше не любят. Но он и сам хотел умереть от любви, судя по его страстным заметкам. И он умер неожиданно и вдруг – такова была сила его любви. Сам придумал объект любви, поверил в него, полюбив с безумной страстью, и умер, как мечтал, от созданной им же «божественной» любви.

А «Заметки» его стали бестселлером. Даже, по слухам, на его могиле поставили какой-то особенный памятник. Правда, какой – не знаю, поэтому врать не буду. При случае, если узнаю – обязательно напишу!

Да, стало известно, что, спустя какое-то время, им созданная Богиня Любви осознала всю трагедию смерти от безответной любви возлюбленной. В честь его «божественной любви» она на его могилке поставила МРАМОРНЫЙ ПАМЯТНИК. Его невинную любовь она изобразила улетающим белым голубем, закрепив словами: «И не забыть, и не вернуть, лишь с болью в сердце жить осталось...»

Искренне это было сказано или нет, – знает только она, эта «возлюбленная Богиня»...

КАРЬЕРА

Это реальная история стала известна только очень узкому кругу людей, когда впервые заговорили о СПИДе, автор эту информацию узнал от лечащего врача, который являлся (погиб в автомобильной катастрофе) родственником... Все герои этой истории скончались от болезни друг за другом. Очень впечатлительным лучше не читать!

Барков Евгений Иванович окончил политехнический институт с красным дипломом.

Он быстро освоил все должности на практике и букваль-

но рвался вверх, стремительно делая производственную карьеру.

Обладая великолепной памятью, он принял за правило независимо от своего физического и душевного состояния каждый день уделять один час на изучение инструкций и технической литературы.

Все понимали, что молодому перспективному начальнику нужно делать карьеру, и считали, что такому быстрому продвижению по служебной линии он обязан своей незаурядной технической грамотности и природной целеустремленности. Но этого в жизни, к сожалению, не всегда достаточно. Решающую роль в карьере Баркова сыграла обаятельная и довольно умная жена Инна.

Инне всегда нравились высокие спортивные парни, хотя сама была небольшого росточка. Когда учились в институте, а учились Инна и Олег в одной группе, она на него, маленького, лысоватого и рыхлого телом, не обращала внимания, но уже тогда он выделялся необычайной цепкостью в учебе и какой-то болезненной тягой к власти. В любом деле он произвольно выбивался в лидеры и подчинял окружающих своей воле.

Заканчивая последний год обучения в институте, Инна поняла, что так может остаться одна. Тот высокий красивый парень, с которым она дружила в институте, попользовался ею в свое удовольствие и оставил. Инна поняла, что красавчики в своем большинстве бестолковы и не пригодны для

жизни. Она резко перебросилась на Баркова и в короткий срок, обработав его, женила. Барков очень радовался и гордился, что стал мужем такой красивой миниатюрной девушки. Он даже не ревновал и не вспоминал, что она встречалась с тем длинным институтским Дон Жуаном.

Счастливые молодожены, получив дипломы, вместе со своими друзьями по институту изъявили желание поехать в далекую Сибирь на крупное предприятие. Буквально через год Барков, проявив себя, стал начальником отдела, в подчинении которого находились несколько лабораторий и более тридцати штатных единиц служебного персонала. Но потом произошла какая-то стычка между главным инженером и его друзьями, и Барков по старой дружбе поддержал своих институтских друзей. В итоге, разжалованный, он занял рядовую должность.

Инна негодовала. Дома произошел серьезный разговор.

– Женя, я не понимаю! – раздраженно говорила она. – Сколько можно думать о друзьях?! У них своя жизнь, у нас с тобой – своя! Мы же с тобой решили приложить все усилия, чтобы как-то выбиться в люди. Я тебя специально оградила от всех домашних дел, лишь бы ты добивался успехов на работе. Женя, я тебя не понимаю, объясни мне, глупой женщине, зачем ты испортил отношения с главным инженером?! Это же конец твоему продвижению!.. Это... я не знаю, что!..

Барков, поджав губы и наклонив виновато голову, молчал и терпеливо ждал, когда жена выговорится и облегчит свою

душу от справедливых упреков. Когда она замолчала, задыхаясь от возмущения, он встал и принялся возбужденно ходить по тесной комнате, полученной на первое время в общежитии. Он сосредоточенно раздумывал и пытался привести свои мысли в единый порядок, прежде чем убедительно высказать их умной жене.

– Инночка, моя родная! Ты же знаешь, как я тебя люблю! – с жаром говорил он. – Я сам очень сожалею, что так произошло! – здесь у него голос задрожал, и он затих, опустив потускневшие глаза, но затем, взяв себя в руки, спокойно продолжил. – Что произошло, то произошло! Это будет для меня большим уроком. Дружба дружбой, а работа – есть работа! Я, когда вижу главного инженера, вытягиваюсь в струнку и бегу к нему с докладом. – говорил, оживая, Барков. – Он здоровается со мной за руку, улыбается, и я чувствую, что доволен мной. Только я не знаю, как ему дать понять, что я сильно переживаю за свои ошибки. Я другой, верный и преданный ему!

Он замолчал и принялся задумчиво ходить по комнате. Жена ласково улыбнулась и подошла к нему. Она нежно и трогательно обняла его и, простив, поцеловала. Барков тоже радостно улыбнулся и страстно прижал ее к себе, и она, возбужденная, завибрировала низом живота и прерывисто зашептала:

– Я знаю, как!.. Я помогу тебе!.. Мой родной!.. Мой маленький!.. Люби меня!.. Люби!..

Такой случай представился довольно быстро. Праздновали профессиональный праздник в двухэтажном здании столовой, находящейся прямо на территории предприятия. Желающих – море! Барков в это время выполнял свои служебные обязанности, и Инна на торжественный вечер пошла одна.

Модельная прическа, темное облегающее платье, черные туфли на высоком тонком каблукке, большие темные глаза, загадочная улыбка, томный взгляд, – все это вкуче помогло ей произвести настоящий фурор среди всех присутствующих мужчин. Но ее интересовал только главный инженер Коркин Лев Николаевич.

Она, ловя на себе его жадные взгляды, кокетливо улыбалась и игриво сверкала большими цыганскими глазами. Коркин, опьянев, как мартовский кот, облизывался и ходил кругами вокруг разыгравшейся Инны. В разгар вечера круг до того стал узким, что он, видя всех в расплывшемся тумане, пригласил ее на танец. Инна понимала, что в такой пьяной суеде всё выглядит естественно и непринужденно. Она проявила все свое мастерство, всю свою женскую интуицию и привлекательность, чтобы Коркин польстился на нее и пригласил на танец. Победоносно улыбаясь удачному клеву, она поддалась ему на встречу.

– Лев Николаевич, – зашептала Инна, – я хочу поговорить с вами о муже.

В ответ на эти слова Коркин, прижав ее к себе, шаловливо

провел ладонью по ягодицам и развязно сказал:

– И только это, Инночка?! А я хочу тебя! Ты меня просто сводишь с ума! Ты... ты... просто богиня, Инночка!..

Инна почувствовала твердость у низа живота. Коркин дошел до кондиции: еще мгновение, и он начнет срывать одежду, его тяжелое горячее дыхание радовало и пугало Инну. И она, обретая уверенность, приглушенно зашептала:

– Лев Николаевич, здесь неудобно разговаривать, встретимся после танца на втором этаже, я буду ждать вас там... Туда можно пройти через кухню и бытовки по задней служебной лестнице... Тут то все двери закрыты...

Музыка прекратилась, и все, шатаясь и путаясь, начали расходиться и занимать свои столы.

Инна пошла через кухню наверх. Коркин проскочил через другую сторону зала и заспешил за ней. Он спешил по темным лабиринтам извилистых переходов и разветвленных перекрестков, едва не сбивая на своем пути пустые и непустые фляги и баки и неловко лавируя между электропечами и стоящими высокими шкафами. Он никого не встречал на своем неосвященном пути, лишь звонкий стук каблучков впереди служил ему ориентиром.

Инна только ступила в зал на втором этаже, как Коркин, тяжело дыша, вбежал по ступенькам следом и легко подхватил ее на руки. Он, сильно возбужденный и опьяненный больше от желания, не чувствовал ее веса. Проскочив через весь зал, он положил ее спиной на стол и, расстегнув ремень,

стянул свои брюки. Все произошло так быстро и решительно, что у Инны закружилась голова, и она провалилась в пустоту. Коркин, не в силах сдерживать себя, схватил Инну за оголенные бедра и подтянул к краю стола...

Через несколько минут, приведя себя в порядок, они спустились вниз. Все были пьяные на полную катушку. Они сели за стол и начали пить шампанское.

Инна стыдливо поднимала глаза и вопросительно косилась в сторону Коркина. Довольный Коркин всё понимал без слов. Он наклонился через стол к Инне и едва слышно сказал:

– Инночка, не беспокойся, стол наладят! – он рассмеялся, потом, успокоившись, уже серьезно добавил. – Пусть Евгений Иванович готовится на должность начальника отдела, а там посмотрим... Больно уж жена у него хорошая, пускай ей спасибо скажет...

Коркин важно откинулся на спинку стула и, подмигнув, великодушно заулыбался. На душе у Инны было противно и мерзко. Она не понимала, почему так получилось. Она искренне хотела поиграть, пококетничать с Коркиным, очаровать его для дела, пустив в ход все свое женское обаяние. Она хотела поговорить с ним о своем муже, как он каждый день перед сном читает инструкции, и что он очень сожалеет, что тогда поддержал своих непутевых товарищей, и теперь он, осознав свои ошибки, верен и предан... Это и многое другое хотела сказать Инна Коркину, оставшись с ним наедине. И

Коркин понял Инну. Правда, немножко по-другому, но проблему семьи все-таки помог разрешить.

Инна тогда еще этого не понимала и сильно переживала. Потом, когда Коркин ушел, к ее столу подсел со своей бутылкой водки пьяный председатель профсоюза. Он, потный и болтливый, начал говорить о том, как ему трудно сейчас стало разрываться между администрацией и рабочими, это, как между двух огней, и, если бы Инночка за это его пожалела, такого несчастного и никому не нужного... Но, прочитав на ее лице полное презрение, он неожиданно замолчал и, хлопав глазами, залпом выпил стакан водки, а потом, вдруг, расплывшись в счастливой улыбке, упал лицом в тарелку с салатом и победоносно захрапел. Кто-то пытался взять недопитую бутылку, но его грубо толкнули, и тот упал под стол, успев все же с ловкостью каскадера прихватить бутылку и допить остаток водки. За это его начали швырять, волочить по полу и опять швырять, как будто мыли им грязный пол. Началась неразбериха: шум, гам, крики, стоны, звон разбитой посуды... Больше Инна ничего не помнила. Она отключилась. Кто-то еще пытался затащить ее в какую-то подсобку, но вовремя заметили подруги по работе. Они посадили ее в машину и отвезли домой, уложив совсем пьяную в постель. Потом она три дня болела, ее рвало, и она ничего не ела.

Скоро Барков стал начальником основного цеха, его карьера опять быстрыми темпами пошла в гору. Но также скоро появились и люди, которые, то ли из-за благих намерений,

то ли еще из-за чего, поставили Баркова в известность.

Как-то, зайдя в свой кабинет, он на столе обнаружил запечатанный конверт, а в строке – «кому», два написанных печатными буквами слова – «сохатому Баркову». Он раскрыл конверт и, когда развернул вложенный в него лист бумаги, увидел нарисованные крупным планом ветвистые олени рога и больше ничего, но этого было достаточно, чтобы тревожно забилося ревнивое сердце и в душу закралось ничтожное подозрение.

Теперь, когда приходил домой после ночного дежурства, он, ненароком, заставал жену в чумовом состоянии, но говорить напрямую не решался, боясь убедиться в правдивости анонимки или, если это гнусная ложь, оказаться в неловком положении. Однако, достаточно маленького намека на супружескую неверность, чтобы в воспаленном воображении любящей половины вспыхнул настоящий пожар подлой ревности.

Барков дошел до того, что, уходя в ночь на дежурство, вставлял в щель между входной дверью и косяком спички или маленькие гвоздики. Когда рано утром приходил домой, он с горечью обнаруживал их сиротливо валяющимися на лестничной площадке. Наконец, не выдержав, Барков как-то ночью решился неожиданно вернуться домой, чтобы убедиться в верности или неверности своей жены.

В это время Коркин находился у Баркова и чувствовал себя настоящим хозяином. Инна, разрумянившись от выпито-

го вина, ерзала у него на коленях, под халатом никакой одежды не было, и ей, как всегда, было очень стыдно. Коркин, шаря рукой по ее голому телу, сильно возбуждался, а Инна стыдилась и краснела все больше и больше.

– Инночка, – хитро улыбаясь, сказал Коркин, – мой дружок проявляет нетерпение.

Инна поняла смысл сказанного, и ее подружка, выделяя обильную смазку, уже давно зудела. Стыдливо нащупав вздыбленную ширинку, она с трудом расстегнула тугие пуговицы, и красный взбесившийся конь вывалился наружу, выбрасывая из ноздри белую пену.

– Ой, как он взмылился, бедненький! – возбужденно воскликнула Инна, обхватывая его тонкими пальчиками. – Какой он твердый! – восхищалась она, подбираясь жарким чревом.

– Нет, не так! – чуть раздражаясь, сказал Коркин. – Я хочу по-другому... Нет-нет, не так! Вставай и иди к креслу!.. Вот так! Наклонись!.. Вот, стой так! Теперь я сам...

Инна скинула халат, подошла к креслу и перегнулась через его спинку. Круглая аппетитная попочка заманчиво улыбалась пухленькими губками трепетной вульвы и кокетливо подмигивала темным глазком анального отверстия.

Коркин, дико волнуясь, быстро разделся и подошел к ожидающей Инне. Он пробежал пальцами по спине и страстно обхватил маленькие торчащие груди. Вздыбленный член мягко заскользил по влажной хлюпающей вульве. Коснув-

шись рубиновой головкой набухшего бутона, член возвращался обратно, не проникая в жаркое нутро. Инна дергала попой, пытаясь поймать скользкого озорника стонущим влагищем, но ей это не удавалось, и Коркин, дразня, этим наслаждался.

Вот его пальцы вновь пробежали по спине и принялись мять, разводя в разные стороны, упругие ягодички, и, когда его твердый член, скользнув по влажной вульве, вернулся назад, Коркин вдруг, чуть приподняв свой таз, коснулся мокрой головкой анального отверстия, и темный глазок, расширяясь под натиском проницательного озорника, затрепетал от удивления.

– Ой, не туда! – запоздало вскрикнула Инна и дернулась телом...

Тем временем Барков подошел к своему дому и, волнуясь, поднялся на свой этаж. Прильнув ухом к двери, он прислушался. За дверью было тихо. Вставив ключ, он бесшумно повернул замок. В квартиру зашел с сильно бьющимся сердцем. В зале тускло горел торшер. Через щель закрытой ванной выбивался яркий свет и тут же в темном коридоре рассеивался. Из ванной доносились шум воды и неразборчивые приглушенные голоса мужчины и женщины.

Барков на цыпочках пробрался в зал и увидел на диване халат жены, из-под халата торчали чужие брюки и рубашка. Он опять вернулся к ванной и затаился. Голос жены узнал сразу, а вот, что за мужчина там был, по голосу не понял. Что

делать? Устроить грандиозный скандал? Убить жену и любовника, или только жену, или только любовника? А, может быть, самому покончить с жизнью, не вынеся такого позора и такой измены? Или достойно уйти и никогда не возвращаться?.. Эти и другие мысли ураганом промчались в мозгу у потрясенного Баркова.

Послышался легкий смех Инны, и раздался глухой звукдвигающегося шпингалета. Барков, не задумываясь, молниеносно проскочил обратно в зал и спрятался за штору, содрогаясь от мощных толчков собственного сердца.

В зале следом появились Инна и Коркин. Они были полностью голые.

Барков, чуть оттянув край плотной шторы, незаметно наблюдал.

Инна переложила все вещи на кресло и раздвинула диван. Коркин, свесив ноги на пол, лег спиной поперек.

– Иди, ну, иди скорей! – нетерпеливо позвал он и поманил рукой.

Барков наблюдал и щипал себя за нос, думая, что это сон. Интересно, какие чувства испытывал он в эти минуты, видя грозного начальника и перед ним свою обнаженную жену? Может быть, ревность или отчаяние. И терзался ли он безумными порывами, призывающими к решительным действиям? Барков уже не мог вспомнить своего первоначального состояния, он, как замороженный, охваченный необъяснимым восторгом, вдруг почувствовал к Коркину стран-

ную непонятную любовь. Мелькающий сильный член, вызывая сладостные вскрики, доставлял огромное удовольствие его любимой жене, и он, этот божественный член, неудержимо притягивал к себе, и Баркову вдруг самому захотелось заменить уставшую жену, и он даже ощутил реальный зуд томящегося ануса, переходящий временами в приятные приливы сладострастия. Внезапно рожденные чувства, еще полностью не осознанные, уже неистово терзали мужскую плоть неизведанными женскими желаниями...

«Что со мной? – испуганно подумал Барков, ловя себя на этих необычных странных желаниях. – Какой ужас, я никогда за собой этого не замечал! Но как красиво Он входит! Наверное, приятно чувствовать Его в себе...»

Когда утомленные любовники уснули, Барков, пылая страстью, осторожно пробрался к двери и тихо вышел из квартиры.

На улице робко светало. Свежий легкий ветерок постепенно охладил разгоряченное тело.

Скоро Барков Евгений Иванович стал заместителем главного инженера, а потом и главным инженером, когда Коркина назначили директором.